

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (137)

май 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово главного редактора</i>	3	ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ	
		Виктор Гущин	
ГЛАВНАЯ ТЕМА		<i>Фундамент</i>	
Максим Фоменко		<i>неправового государства</i>	47
<i>Победа одна на всех</i>	7		
ПОВЕСТКА ДНЯ		ОТКРЫТАЯ ТРИБУНА	
<i>Цена оценки</i>		Сергей Чупин	
Круглый стол	15	<i>Власть и мораль</i>	59
ГРАЖДАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ		ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ	
Андрей Демидов		Ростислав Ищенко	
<i>«Управляемый хаос»</i>	33	<i>Талергоф</i>	71
КОНТЕКСТ		ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ	
Владимир Мартынов		Георгий Жуков	
<i>Культурология русофобии</i>	39	<i>Берлинская операция</i>	85

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. А. Богданов
Р. С. Гринберг
В. И. Данилов-Данильян
А. Д. Жуков
К. И. Косачев
В. Б. Кувалдин
А. Д. Некипелов
В. А. Никонов
Ю. С. Пивоваров
В. Н. Плигин
А. К. Пушков
В. А. Тишков
А. В. Торкунов
В. Т. Третьяков
А. А. Опенкин

РЕДАКЦИЯ

В. А. Никонов – главный редактор
Т. В. Мурина – ответственный секретарь
В. В. Нехотин – редактор
В. Ю. Сухнев – ведущий редактор

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации
Регистрационный номер ПИ № 77-17017

Адрес редакции: 119285, Москва, Мосфильмовская ул., 40
Телефон/факс: (495) 981-5400 (137, 138) • E-mail: sr@fondedin.ru
Электронная версия журнала — на сайте <http://sr.fondedin.ru/>

Слово главного редактора

В эти майские дни мы отмечаем наш большой праздник, 70-летие общей Великой Победы над самым страшным врагом в истории человечества — германским нацизмом. С Днем Победы вас!

Мы живем в том историческом отрезке, когда нам надо всем вместе защищать свою историю, защищать свою победу. Мы видим на примере соседней нам братской Украины, что можно сделать за два десятилетия, целенаправленно меняя историческую память народа. Оказывается, можно вырастить новую породу людей — русских, которые убивают русских за то, что они хотят говорить по-русски. Такова сила истории.

У каждого народа есть великие символы исторической памяти. Для нас победа в Великой Отечественной войне, те жертвы, которые понес народ — это величайшее событие за всю более чем тысячелетнюю историю нашей страны.

К сожалению, в последнее время, особенно по мере приближения к 70-летию Победы, появляются заявления и «научные» работы, в которых утверждается, что Советский Союз несет такую же ответственность за развязывание Второй мировой войны, что и гитлеровская Германия. Не удивился бы, услышав это от недругов, которых хватает и за пределами России, и у нас в стране. Но я прочел это недавно в одном из новых учебников, который подготовлен к курсу единого учебника истории. Речь идет о том, что Советский Союз стал невоюющим союзником Гитлера во Второй мировой войне.

И раньше, без этого весьма спорного утверждения, хватало разговоров о том, что Советский Союз был не готов к войне, что наша победа достигнута огромным числом человеческих жертв, что людей не жалели. В последние годы к тому же очень много говорится, особенно на Украине, что существовало множество идейных борцов с антинародным советским режимом. Эти борцы подняли свой голос и свое оружие в борьбе за свободу и пополнили отряды бойцов-бандеровцев и дивизии СС «Галичина». Нам говорят, что, собственно, нечего и праздновать 9 Мая, потому что войну выиграли американцы, потому что Советский Союз принес миру и Европе только порабощение на многие годы. Наконец, что празднование 9 Мая — просто анахронизм.

Все это — разные формы борьбы с нашей памятью, с нашей историей, а значит, и с нашим естеством. Ведь в сфере существования каждой нации, помимо прочего, — свои памятники, свои герои и свои великие символы побед.

Конечно, и речи не может быть о взаимной ответственности Советского Союза и гитлеровской Германии за развязывание войны. Планы мирового

господства ставил антикоминтерновский пакт Германии, Японии и Италии. Вторая мировая вообще началась даже не в Европе, а в Азии. Тогда Япония напала на Китай, и к 1 сентября 1939 года, официально дню начала Второй мировой войны, погибло уже 10 миллионов китайцев. Хоть кто-нибудь тогда заметил это в Европе? Помнят ли об этом сегодня? Советский Союз был единственной страной, которая оказывала Китаю реальную военную помощь. Задолго до войны к власти в Испании пришли фашисты, и Советский Союз был единственной страной, которая помогала бороться с ними испанским интернационалистам. Италия начала бойню в Африке, захватывая колонии других европейских держав. Советский Союз выступал за санкции против агрессора. Но кто его поддержал? СССР был противником Мюнхенского сговора, который отдал Чехословакию в руки германского фашизма и выступал за систему европейской коллективной безопасности, протягивая руку сотрудничества и Франции, и Великобритании, и другим великим державам. Но кто принял эту протянутую руку? А сегодня нас обвиняют в том, что был заключен договор о ненападении с гитлеровской Германией, что и положило начало Второй мировой войне.

Мы узнаем историю не только из учебников и книжек историков. Мы узнаем ее из жизни, из бесед с нашими родными, с теми, кто прошел эту войну, кто участвовал в ней. Мой отец, Алексей Дмитриевич Никонов, прошел всю войну, закончил ее капитаном в Праге. Мой дед, Вячеслав Михайлович Молотов, был первым заместителем государственного комитета обороны, наркомом иностранных дел страны. В конце августа 1939 года у нас действительно шли переговоры с Англией и Францией. Как говорил мой дед, вопрос стоял очень просто: Германия должна была напасть на Польшу, это было понятно всем. Но где, собственно, остановятся германские войска потом, после нападения на Польшу? В Варшаве? В Минске? В Москве? А может быть, во Владивостоке? Этот вопрос надо было решать срочно. Однако было очевидно: Франция и Великобритания, которые прислали своих переговорщиков в Москву, не были готовы к заключению какого-либо соглашения.

Конечно, было бы предпочтительнее договориться с ними, но для этого надо было, чтобы Польша разрешила себя защитить. Но она, будучи враждебной к СССР, запрещала себя защищать. Поэтому договориться с Германией о ненападении для нас в тот момент было единственным возможным решением, которое, как сказал Черчилль, являлось одновременно циничным и холодно расчетливым. Это позволило определить восточную границу передвижения немецко-фашистских войск, добиться двухлетней передышки, в ходе которой наши оборонные возможности были удвоены. Неизвестно, что было бы, если бы тогда не удалось замирииться с Германией. СССР упрекали, что после этого Советский Союз поддерживал Германию поставками, в том числе сырья. Это действительно было так, однако поставки были взаимными. К июню 1941 года у Советского Союза были самые современные образцы германского вооружения, промышленного оборудования, полученного за эти два года. Они

в значительной степени и помогли впоследствии сломить хребет германскому фашизму. Говорят, что мы поверили Гитлеру. Как вспоминал мой дед, Сталин и своим-то не верил, а уж Гитлеру — тем более.

Не было ни минуты сомнения, что Германия рано или поздно нападет на Советский Союз. Открытым оставался только вопрос, когда именно это произойдет. В огромном количестве сообщений разведки назывались самые разные даты. Но не было точной уверенности, что это произойдет именно 22-го, а не 21 или 25 июня. Такой уверенности не могло быть ни у кого. Тем более, Гитлер совсем незадолго до нападения сам принимал решение о сроках.

Теперь о тезисе, что Советский Союз не был готов к войне. Вообще-то, о готовности страны к войне можно судить только по результатам самой войны. В этом смысле готовность гитлеровской Германии оказалась гораздо меньшей. Не будем также забывать, что за ней стояла вся Европа — с преобладающим населением, с мощнейшим военно-промышленным потенциалом и большим опытом военных действий. Нам противостояла не только Германия. И тот факт, что уже в 1942 году Советский Союз произвел в 3 раза больше танков, чем вся гитлеровская Германия, говорит о готовности страны к войне лучше всего.

Еще один муссируемый постоянно тезис о наших огромных потерях. Они действительно были колоссальными. Но военные потери оказались абсолютно сопоставимыми. Советский Союз имел боевых потерь около 9 миллионов, Германия — 8. Но кроме Германии в ходе боев теряли своих солдат и Венгрия, и Румыния, и Словакия, и Италия. А еще погибали добровольцы, которые пришли на нашу землю из Испании, Франции и многих других стран. Таким образом, вражеские боевые потери были гораздо большими, чем наши. Другое дело, что еще почти 20 миллионов мирных советских граждан были убиты безжалостной машиной уничтожения гитлеровской Германии.

Раздуваются и такие «факты»: когда советские войска пришли в Европу, то устраивали различные зверства. Конечно, отдельные проявления жестокости имели место, но они не напоминали даже подобие тех зверств, которые немцы и их союзники учинили на нашей земле. И не только на нашей земле, но и в других завоеванных странах, ставя перед собой цель простого уничтожения других наций и народностей, которых они считали неполноценными.

Многонациональный советский народ был на стороне правды, на стороне свободы, а не гитлеровская Германия и ее союзники. Но, вопреки этой правде и исторической логике, сегодня предпринимаются попытки оправдать предательство. Некоторых персонажей истории сегодня выставляют в Киеве героями, выдающимися борцами с антинародным советским режимом. А они были просто предателями. Они клялись в верности Адольфу Гитлеру. На их руках кровь сотен тысяч, миллионов людей. Причем не только русских, поляков, евреев, но и украинцев, которые уничтожались за то, что тоже боролись с фашизмом.

Мы одержали победу. 80 процентов германских дивизий были уничтожены именно вооруженными силами Советского Союза. Американцы, как это бывало и раньше, в Первой мировой, вступили в войну уже на заключительном этапе.

Они потеряли 325 тысяч человек, внесли свой вклад в победу. Не устают напоминать, что помогли нам с «ленд-лизом». Однако вклад нашей страны в общую победу был, безусловно, основным.

Советский Союз принес свободу в Европу. И сейчас там нет ни одного российского солдата. Ни одной нашей военной базы нет у границ США. Зато по нашей границе с Европой стоит 400 американских военных баз. И это лишний раз говорит о том, кто именно сохраняет агрессивные намерения в современном мире.

Сегодня мы вспоминаем нашу Победу как символ величия, но мы также помним, что обороноспособность страны надо крепить, что мир не стал безопаснее, что мы и сейчас должны быть верными заветам наших предков, которые призывали нас множить возможности нашей армии и флота. Всегда на нашей стороне была не только сила, но и правда, и справедливость. А поэтому, как сказал мой дед 22 июня 1941 года, наше дело правое, победа будет за нами!

Вячеслав НИКОНОВ

ПОБЕДА ОДНА НА ВСЕХ

Вклад СССР и союзников: различие подходов

Максим ФОМЕНКО

Встреча на Эльбе

Усиление международного авторитета и влияния Советского Союза после победы во Второй мировой войне, а также образование блока государств социалистической ориентации не вписывались в представления западных лидеров о будущем мироустройстве. Победа во Второй мировой войне была для Запада лишь промежуточной целью на пути построения принципиально нового мира, новой системы международных отношений. Она не обозначила завершение противостояния двух социально-экономических систем, одна из которых — коммунизм — в результате войны серьезно усилилась. Начавшаяся после общей Победы «холодная война» показала справедливость такого вывода.

В наши дни, несмотря на то что с момента окончания Второй мировой войны прошло уже семь десятилетий, некоторые вопросы, связанные с ее историей, остаются спорными как в России, так и на Западе. Сохраняются существенные разногласия в понимании роли, которую играли сражения на различных фронтах, неоднозначно оценивается участие той или иной страны в достижении общей Победы над странами оси «Берлин — Рим — Токио».

В данном контексте весьма показательна, например, полемика вокруг юбилея освобождения узников концентрационного лагеря Освенцим, разгоревшаяся в политических кругах в январе — феврале 2015 года¹.

После окончания «холодной войны» за рубежом было предпринято немало шагов, нацеленных на пересмотр представлений о роли СССР в Антигитлеровской коалиции, сложившихся за десятилетия противостояния двух лагерей. Об этом свидетельствуют, например, приглашения Президента Российской Федерации В. В. Путина в 2004 и 2014 годах к участию в праздновании очередных юбилеев высадки союзников в Нормандии.

С другой стороны, можно предположить, что сам вопрос о важности того или иного фронта во Второй мировой войне сегодня на Западе не столь актуален в связи с изменениями в статусе стран, некогда входивших в гитлеровскую ось, а также с окончанием «холодной войны». Сглаживание франко-германских, англо-германских, германо-польских и других противоречий, достигнутое в результате длительного процесса европейской интеграции, снизило интерес западного сообщества (в том числе научного) к проблеме признания вклада той или иной державы в Победу над общим когда-то врагом.

Что касается собственно исторической науки, то уже в 1990-е годы большое внимание на Западе уделялось публикациям работ исследователей из различных стран, включая Россию и Германию, пытавшихся на основе малодоступных ранее документов проанализировать роль крупнейших сражений на советско-германском фронте, ставших определяющими в ходе Второй мировой войны. Один из примеров — сборник «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ»².

Анализируя отношение к проблеме в России, следует констатировать, что проблема оценки вклада СССР и его союзников в дело общей Победы не теряет в нашей стране своей актуальности. Изменения, произошедшие в общественно-политической жизни еще в 1980–1990-е годы, породили две противоречивые тенденции. С одной стороны, доступ к большему комплексу ранее засекреченных документов и литературы дал возможность исследователям достаточно объективно рассмотреть некоторые аспекты истории Великой Отечественной войны, долгое время до этого «обделенные вниманием». При

---

*ФОМЕНКО Максим Викторович,
доцент факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова,
кандидат исторических наук*

этом, однако, активизировались люди, весьма далекие от науки и руководимые скорее политическими и финансовыми, чем исследовательскими интересами, что привело, например, к появлению быстро завоевавших в России популярность книг В. Суворова³ и некоторых сторонников его теорий.

Последняя тенденция по вполне понятной причине вызвала острую неприязнь у поколения победителей нацизма и «детей войны», да и просто у патриотично настроенных граждан. Возникло ощущение «украденной Победы», что нередко влекло за собой отторжение современных концепций. Как правило, негативно оценивалась новая информация о поражениях Красной армии, ошибках советского командования или понесенных в войне потерях, не говоря уже о «принижении» роли СССР в общей Победе над врагом. В связи с этим споры по некоторым вопросам истории Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности до сих пор носят весьма острый характер.

По мнению автора, проблема определения вклада СССР и его союзников по Антигитлеровской коалиции в Победу проистекает не только из политической и идеологической сфер, но также из области методологии, причем методология в данном случае понимается как совокупность базовых критериев, составляющих основу сравнения роли фронтов, осуществляемого исследователями. Данные критерии требуют определенного анализа.

Количественный критерий

Суть данного критерия, по мнению автора, заключается в том, что при сравнении боевых действий на различных фронтах первостепенное значение придается таким характеристикам, как количество войск, принявших в них участие, продолжительность боев, а также потери, понесенные противоборствующими сторонами.

Споры о влиянии того или иного сражения или ряда сражений на исход Второй мировой войны начались еще до ее завершения. Так, Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» следующим образом описывал свой разговор с Б. Монтгомери, состоявшийся 5 июня 1945 года в Берлине: «Он заговорил со мной об операциях в районе Эль-Аламейна и в районе Сталинграда. В его представлении обе эти операции были равноценны. Ни в какой мере не желая преуменьшать заслуги английских войск, я все же был вынужден разъяснить ему, что операция в районе Эль-Аламейна была операцией армейского масштаба. В Сталинграде же действовала группа фронтов, осуществлявшая операцию крупного стратегического значения... Эта операция, как известно, положила начало коренному перелому в войне и изгнанию немецких войск из нашей страны»⁴.

С началом «холодной войны» к дискуссиям подобного рода (которые, правда, стали носить заочный характер) подключились историки из противоборствующих лагерей. На Западе некоторые исследователи предпочитали попросту умалчивать о событиях на советско-германском фронте⁵. Существовала и другая тенденция. Пользуясь открытыми советскими источниками и воспоминаниями немецких генералов и офицеров (иногда весьма эмоцио-

нальными), ряд зарубежных историков принял активное участие в развитии мифов, созданных официальной советской историографией⁶.

В СССР широкое распространение получила борьба с «буржуазными фальсификаторами» истории Второй мировой войны. В рамках этого направления издавались работы ведущих советских исследователей военно-исторической проблематики⁷. Не вдаваясь в тонкости идеологического подтекста, необходимо отметить, что авторы данных работ, опираясь прежде всего на количественные показатели, старались доказать второстепенность тех театров военных действий, на которых сражались западные союзники⁸, а также тот факт, что «ход и исход Второй мировой войны решался в вооруженной борьбе на советско-германском фронте»⁹. К сожалению, подходы к исследуемой проблеме существенно не изменились даже в 2000-е годы.

При этом, по мнению автора, сравнения, осуществляемые с помощью привлечения количественных данных, опираются на весьма зыбкую почву. Данный тезис можно аргументировать следующим примером. На протяжении 1942 года советские Калининский и Западный фронты провели три стратегические наступательные операции на Ржевско-Вяземском плацдарме. Однако ни одна из них так и не достигла конечной цели — ликвидации немецкого плацдарма на подступах к Москве, а Ржев и Вязьма оставались до марта 1943 года в руках противника. Ко времени освобождения этих городов общие потери Советских Вооруженных Сил составили более 1,3 миллиона человек¹⁰. Одновременно в мае — июне 1942 года на Тихоокеанском театре военных действий развернулось сражение за остров Мидуэй. Его исход решили в течение нескольких минут 4 июня полсотни американских пикирующих бомбардировщиков. Благодаря собственным ошибкам две группы самолетов совершенно случайно в одно и то же время оказались над кораблями японского флота и одним ударом уничтожили 3 тяжелых авианосца¹¹. «Это сражение привело к необычно быстрой перемене фортуны, известной в военно-морской истории», — написал по данному поводу английский военный историк Б. Лиддел Гарт¹². Дело в том, что военно-промышленный потенциал Японии и ее система подготовки военных кадров не позволяли стране, в отличие от США, восполнить потери, понесенные в сражении. По этой причине события в районе острова Мидуэй являлись поворотным пунктом в военно-морском противостоянии на Тихоокеанском ТВД.

Данный пример, по мнению автора, показывает, что при сравнении влияния того или иного сражения на дальнейший ход борьбы количественные показатели играют далеко не главную роль. Задачи, которые в столкновении флотов могут решаться несколькими десятками пилотов за считанные минуты, на сухопутных фронтах иногда остаются нерешенными даже после ввода в бой многотысячных армий.

Союзнические поставки в СССР по ленд-лизу также до сих пор остаются объектом споров среди историков и публицистов¹³. При этом количественные показатели и их сравнение с объемами советского производства, несмотря на их безусловную важность, не должны отвлекать от главного аспекта. Он заключается, по мнению автора, в том, что Советский Союз в 1940-е годы

был не в состоянии производить полную номенклатуру изделий, необходимых для ведения современной войны. Например, отечественная промышленность в принципе не выпускала бронетранспортеры, что вынуждало пехотинцев идти в атаку прямо на броне танков с неизбежно высокими потерями от осколков и огня стрелкового оружия. Поэтому, сколько бы реально машин данного типа ни было поставлено из США, Великобритании и Канады, они в любом случае составляли 100% от имевшихся в Красной армии. Если, конечно, не считать трофейную технику. То же самое касалось высокооктанового авиационного бензина, автомашин высокой грузоподъемности, транспортных машин-амфибий, специализированных десантных судов для флота и т. д. Одним из главных очевидных достоинств ленд-лиза выступало именно насыщение тех ниш, которые еще не были полностью освоены советской военной и гражданской промышленностью.

Таким образом, проанализировав количественный критерий оценки вклада фронтов в достижение Победы, можно прийти к выводу, что при сравнении влияния того или иного фронта на общий ход и исход Второй мировой войны числовые показатели не отражают всей сложности и многогранности характеризуемых событий. Одним из путей к сглаживанию противоречий в дискуссиях может послужить понимание того, что каждая из держав, участвовавших в войне, выполняла свои функции, решала специфические задачи, без чего достижение общей Победы было бы невозможно.

Политический критерий

Под политическим критерием в данном случае понимается оценка итогов Второй мировой войны представителями стран Антигитлеровской коалиции (как историками, так и политиками) в соответствии с идеологией и интересами той или иной державы или группы держав¹⁴.

Что касается советских историков, опиравшихся на официальное мнение руководства СССР, то в их работах главным уроком военного противостояния явилась «непобедимость социализма»¹⁵. Исходя из данной концепции, «война продемонстрировала превосходство советского опыта ведения и руководства народным хозяйством в целом»¹⁶. Кроме этого, «победа над фашизмом, одержанная при решающей роли первого в мире социалистического государства, явилась всемирно-историческим событием и оказала глубочайшее воздействие на весь последующий ход истории. Под ее влиянием произошли на нашей планете важнейшие социально-политические изменения, определившие укрепление сил мира, демократии и социализма»¹⁷.

На Западе уже в годы войны сложилось несколько иное восприятие ситуации. Дело в том, что со времени заключительной фазы Сталинградской битвы политики в Лондоне и Вашингтоне всерьез обеспокоились тем, «что Красная армия добьется такого перелома, что сумеет победить немцев еще до того, как англичане и американцы смогут перебросить свои войска в Западную Францию»¹⁸. Такая постановка вопроса вполне соответствовала содержанию речи У. Черчилля, произнесенной им еще 22 июня 1941 года, в которой он, в частности, заявил: «На протяжении последних двадцати лет никто не был

таким упорным противником коммунизма, как я. Я не откажусь ни от одного слова, которое я когда-либо говорил о нем»¹⁹. И хотя дальнейшие высказывания в речи направлены на поддержку СССР, очевидна их связь с особыми обстоятельствами военного времени²⁰.

Усиление международного авторитета и влияния Советского Союза после победы во Второй мировой войне, а также образование блока государств социалистической ориентации не вписывались в представления западных лидеров о будущем мироустройстве. У Черчилль прямо заявил об этом в своей речи, произнесенной (пусть и в статусе частного лица) в Фултоне 5 марта 1946 года: «...Мы видим сегодня не ту демократическую Европу, ради построения которой сражались в войне. И это не та Европа, которая может стать гарантом прочного мира»²¹. Присутствует в тексте речи и фраза о необходимости «налаживания нормальных отношений и всеобъемлющего взаимопонимания с Россией под эгидой Организации Объединенных Наций»²². Однако из общего тона высказывания ясно, что победа во Второй мировой войне была для Запада лишь промежуточной целью на пути построения принципиально нового мира, новой системы международных отношений. Она не обозначила завершение противостояния двух социально-экономических систем, одна из которых — коммунизм — в результате войны серьезно усилилась. Начавшаяся после общей Победы холодная война показала справедливость данного вывода.

Необходимо отметить, что понимание проблемы подобным образом ставит под сомнение необходимость определения и оценки вклада той или иной державы в Победу над общим противником, так как значение самой Победы, исходя из политического критерия, понимается по-разному. К сожалению, в наши дни мы снова становимся свидетелями различных политических и идеологических спекуляций вокруг темы Второй мировой войны²³, часто напрямую вызванных напряженными отношениями между Российской Федерацией и странами Запада.

Ценностный критерий

Сравнивая боевые действия на различных фронтах в соответствии с данным критерием, необходимо обращать внимание не только на масштабы сражения и его влияние на дальнейший ход войны, но и на то, какими средствами руководство стран и их вооруженных сил достигало поставленных целей.

Сегодня уже не подвергается сомнению тот факт, что война на Западном и Восточном фронтах носила принципиально разный характер. Это констатировал еще до начала Великой Отечественной войны Гитлер. Выступая на совещании 30 марта 1941 года, он заявил, что борьба на Востоке «будет очень отличаться от той, которая ведется на Западе». Суровость на Востоке, по мнению нацистского лидера, являлась «милосердием ради будущего»²⁴. Подобные принципы декларировались и в приказах личному составу вермахта²⁵. Реализации данных принципов на практике посвящена обширная историография, анализ которой выходит за рамки статьи.

С другой стороны, командование Красной армии далеко не всегда считалось с потерями при достижении поставленных целей. При этом следует

подчеркнуть, что зачастую ситуация на фронте объективно препятствовала проведению полноценной подготовки как тех, кто отправлял людей в бой, так и тех, кого отправляли. Отсутствие опыта полномасштабной современной войны являлось, безусловно, не виной, а бедой советских бойцов и командиров, особенно в первые военные годы. Кроме того, было бы серьезной ошибкой объяснять героизм и самопожертвование советских людей их слепым страхом перед наказанием со стороны властей, хотя попытки разъяснения ситуации в подобном ключе неоднократно предпринимались на Западе²⁶.

Что касается англо-американского командования, то ситуация также не всегда оставляла ему возможность выбирать методы обращения со своими подчиненными. При этом, однако, соотношение целей и средств для их реализации не просто было для союзников немаловажным фактором — оно часто являлось предметом открытого обсуждения. Так, например, штаб американского генерала Д. Макартура сумел избежать кровопролитного фронтального наступления в юго-западной части Тихого океана, «разработав тактику «прыжков» в несколько сот километров, оставляя в тылу крупные группировки врага на обойденных островах и неожиданно захватывая слабо защищенные среди них»²⁷. Тем не менее у себя на родине генерал подвергся критике за понесенные потери — 1 солдат из 11 участвовавших в боях, в то время как на Гуадалканале, где командовали другие, они составляли 1 из 30.

В данном контексте следует подчеркнуть, что применение ядерного оружия против японских городов в августе 1945 года во многом являлось следствием нежелания американского руководства нести за пределами высокие потери в изматывающем сражении за острова метрополии. Следует признать, что, несмотря на тяжелые военные условия, лидеры стран Запада старались не допустить того уровня человеческих жертв (речь идет, конечно, о жертвах среди своих сограждан), который характеризовал позиционные сражения периода Первой мировой войны.

Таким образом, проанализировав основные, по мнению автора, критерии оценки вклада фронтов в достижение победы во Второй мировой войне, представляется возможным прийти к выводу, что место того или иного сражения (битвы) в цепи событий необходимо определять, не вырывая его из контекста. Важно осознавать те цели, достижению которых способствовал успех операции, учитывая при этом не только количественные показатели (масштаб боевых действий или численность участвующих в них войск), но и особенности конкретного фронта или театра военных действий.

Примечания:

¹ См.: <http://lenta.ru/news/2015/01/21/ukrosven/>; <http://lenta.ru/news/2015/02/09/polishanger/>; <http://lenta.ru/articles/2015/02/10/answer/>

² Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. Пер. с нем. М., 1995.

³ См.: Суворов В. Ледокол. День «М». М., 1995.

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 698.

⁵ См.: Нимиц Ч., Поттер Э. Война на море 1939–1945. Пер. с англ. Смоленск, 1999. В данной работе действиям ВМФ СССР не посвящено ни одной страницы.

⁶ См.: Кэйдин М. Курская битва — величайшее сухопутное сражение в истории / От

- Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. М., 1992. С. 297–343. Автор, рассуждая о почти неуязвимом русском «чудо-оружии» (танках Т-34 и штурмовиках Ил-2), называет битву «величайшим сухопутным сражением в истории». Подобные высказывания позволили Кэйдину считаться в СССР одним из немногих объективных представителей буржуазной историографии.
- ⁷ См.: *Кульков Е. Н.* и др. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983; *Орлов А. С., Новоселов Б. Н.* Факты против мифов: Подлинная и мнимая история Второй мировой войны. М., 1986.
- ⁸ *Орлов А. С., Новоселов Б. Н.* Указ. соч. С. 60.
- ⁹ *Кульков Е. Н.* и др. Указ. соч. С. 94.
- ¹⁰ Дорога к Победе. Тверь, 2001. С. 10–15.
- ¹¹ *Прандж Г.* Чудо у острова Мидуэй / От Мюнхена до Токийского залива. С. 264–271.
- ¹² Там же. С. 273.
- ¹³ См.: *Григорьев А.* Ленд-лиз и Победа // <http://www.golos-ameriki.ru/content/lend-lize-2011-05-06-121392049/234332.html>; *Смолянников С.* Ленд-лиз. Ни к чему преувеличивать его вклад в Великую Победу // <http://www.fondsk.ru/news/2011/05/06/lend-liz-ni-k-chemu-preuvelichivat-ego-vklad-v-velikuju-pobedu-3167.html>; *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие Победы. М.: Вече, 2000; *Супрун М. Н.* Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // http://arcticwar.pomorsu.ru/int_relations/foodaid.htm
- ¹⁴ См.: http://www.observer.materik.ru/observer/N7_2010/016_025.pdf
- ¹⁵ *Кульков Е. Н.* и др. Указ. соч. С. 218.
- ¹⁶ Там же. С. 229.
- ¹⁷ Там же. С. 268.
- ¹⁸ *Кимболл У. Ф.* Сталинград и дилемма американско-советских отношений / Сталинград... С. 358.
- ¹⁹ *Черчилль У.* Мускулы мира. М., 2002. С. 265.
- ²⁰ Там же. С. 270.
- ²¹ Там же. С. 484.
- ²² Там же. С. 488.
- ²³ См.: <http://lenta.ru/news/2015/02/02/shetyna/>
- ²⁴ 1941 год: Документы. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 807.
- ²⁵ См.: Там же. Кн. 2. С. 151.
- ²⁶ См.: *Кудряшов С.* Война вокруг войны // Родина. 2004. № 12. С. 59.
- ²⁷ Полвека назад: Судьба полководца: Жуков, Макартур, Роммель. М., 1995. С. 101.

ЦЕНА ОЦЕНКИ

Государственный экзамен и качество образования

Круглый стол

11 марта 2015 года Комитет Государственной Думы по образованию провел круглый стол. Тема: «Правовое регулирование итоговой аттестации обучающихся по окончании основного общего образования в условиях совершенствования общероссийской системы оценки качества образования».

Открывая круглый стол, председатель комитета Вячеслав НИКОНОВ отметил, что заявленная тема касается итоговой аттестации после 9-го класса общеобразовательной школы. По его словам, в педагогическом сообществе и среди родителей все еще возникает много вопросов, связанных с экзаменами после девятого класса. Во-первых, они касаются числа экзаменов, во-вторых, критериев оценки. Еще одна группа проблем — как связаны результаты экзаменов и дальнейшая образовательная траектория школьника. Что делать с теми детьми, которые не сдали экзамен? Насколько возможно установление регионами своих требований по экзаменам? Весь этот круг вопросов председательствующий предложил обсудить участникам круглого стола.

Вячеслав НИКОНОВ

Председатель Комитета Государственной Думы по образованию

Не помню, чтобы на каком-нибудь круглом столе у нас было столько приглашенных. Тема действительно важная, поскольку она касается всех школьников и их родителей, то есть подавляющего большинства граждан нашей страны. Что означает правовое регулирование итоговой аттестации обучающихся по окончании основного общего образования? Это означает, что с ними будет после девятого класса.

Это вопрос, связанный со стимулами в образовании, с сохранением и укреплением единого образовательного пространства, связанный с образовательными траекториями. С одной стороны, казалось бы, все здесь отрегулировано, с другой стороны, педагогическое сообщество и родители озабочены ситуацией, связанной с экзаменами после девятого класса. О чем идет речь в первую очередь?

Сначала о количестве экзаменов. Сейчас это два обязательных, остальные — по выбору. Нужно ли увеличивать это количество? А если увеличивать, то за счет каких дисциплин?

Второй вопрос связан с критерием оценки, с установлением минимального порога. Должен ли он быть единым для всей России, либо, как сейчас, устанавливаться субъектами Федерации?

Еще одна группа проблем — о смысле экзамена. Учащийся сдал экзамен и получил оценку. Высокую или более низкую. Что это означает с точки зрения дальнейших образовательных траекторий, продолжения образования? Что это означает при поступлении в среднее профессиональное образование, если там существует конкурс?

А что делать с теми детьми, которые не сдали экзамен? В прошлом году таких детей было порядка 40 тысяч. Что с ними? Где они сейчас, чем занимаются? Есть ли у нас вообще какая-то информация об этих детях? Есть ли у них какие-то другие возможности, кроме получения рабочей профессии или доучивания? Вот проблема, которая, на мой взгляд, нуждается в обсуждении.

Вот еще круг вопросов. Дети с ограниченными возможностями, их специфика, возможности для них сдачи ГИА. Прерогативы регионов, прерогативы центральных органов, Министерства образования и науки Российской Федерации, надзорных органов, законодателей. Насколько возможно установление регионами, скажем, своих требований по экзаменам?

Например, было много вопросов, связанных с тем, что в Татарстане был введен обязательный экзамен по родному языку. Насколько это оправданно и насколько это может быть применимо в других регионах? Появляется, таким образом, региональный и федеральный компонент.

Предоставляю слово Ирине Викторовне Мануйловой, которая и готовила наш круглый стол.

Ирина МАНУЙЛОВА

Заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы

Очень хорошо, что сегодня в нашем заседании принимают участие представители регионов. Это говорит о том, что тема, которую мы заявили, не надумана, и действительно сегодня очень важна. Если вы посмотрели внимательно материалы, то не обнаружили никаких готовых рекомендаций. Это тоже сегодня позиция комитета. Мы считаем, что как никогда важно обсудить сегодня ситуацию с проведением Государственной итоговой аттестации по окончании основного общего образования. И прежде чем давать рекомендации, надо выработать тот комплекс мер, который позволит сделать ее более объективной и независимой. Вместе с тем аттестация должна стать механизмом, который даст равный доступ и равные права для всех обучающихся, позволит использовать диагностический потенциал для совершенствования нашей системы образования в целом.

Поэтому, если будем отталкиваться от этой главной задачи, мы должны дать возможность каждому выпускнику основного общего образования выбрать из разнообразных вариантов образовательной и профессиональной траектории тот путь, который подходит ему в большей степени. Причем, обеспечив принципы, которые сегодня заложены в Законе «Об образовании...». Это значит, что у нас обязательный уровень — среднее общее образование, а получать его обучающиеся могут в разных формах и в разных образовательных организациях.

Сегодня итоговая аттестация является неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса и позволяет не только оценить степень выполнения образовательной программы по отдельным предметам, но и в том числе оценить готовность продолжения обучения на уровне среднего общего образования и в организациях среднего профессионального образования. Я думаю, не следует ограничивать значение этой итоговой аттестации только инструментом контроля и фиксации результата.

На мой взгляд, следует рассмотреть возможность использования аттестации как инструмента управления качеством образования. Потому что любое изменение в системе итоговой аттестации однозначно приводит к существенным изменениям в самой системе. И если эти изменения позитивны, то повышается и качество. Дать возможность работать этому инструменту мы можем только в том случае, если оценка будет объективной и независимой. И вот здесь ответ на вопрос, который сегодня обсуждается очень широко: насколько объективна, независима эта оценка. Почему бы не дать право самому обучающемуся выбирать, в какой форме проходить эту итоговую аттестацию? И таких вопросов мы наберем с вами много.

Начиная с прошлого года итоговая аттестация 9-го класса перешла в штатный режим, и это означает, что появились единые условия ее проведения для всех обучающихся. Законодательно сегодня утверждены две формы проведе-

ния итоговой аттестации 9 класса: Основной государственный экзамен, ОГЭ, и Государственный выпускной экзамен, ГВЭ.

Если первый проводится на основе контрольно-измерительных материалов, то последний проводится в форме устных и письменных экзаменов по билетам, по темам, для обучающихся в спецучреждениях или для детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья.

Мы говорим о проведении итоговой аттестации в форме ОГЭ. Это действительно сегодня независимая форма аттестации, которая имеет целый ряд преимуществ по сравнению с использовавшейся ранее формой проведения выпускных экзаменов при условии обеспечения честности, прозрачности, объективности. То есть звучат те же определения, которые мы в свое время предлагали при проведении ЕГЭ.

ЕГЭ-2014 состоялся впервые как экзамен честный, прозрачный и объективный, и поэтому позиции ОГЭ по условиям проведения максимально будут к нему приближены.

Что дает ОГЭ? Он обеспечивает выпускникам равные условия при оценке результатов. Обеспечивает большую объективность, потому что контрольно-измерительные материалы, КИМы, охватывают все изученные темы курса. Он обеспечивает существенно большую точность в оценке результатов освоения образовательной программы за счет использования более чем пятибалльной шкалы оценивания, потому что первичные баллы, согласитесь, дают больше информации для анализа и принятия управленческих решений.

Мы получаем возможность сравнивать уровень обучения в разных школах, населенных пунктах, регионах. У нас появляется возможность выявлять лучшие педагогические технологии, формы и методы обучения. И мы можем сопоставлять результаты ОГЭ с итогами международных сравнительных исследований качества образования. Все вместе и дает объективную картину состояния российского общего образования.

Но было бы неправильным умолчать сегодня о проблемах, которые требуют и обсуждения, и нормативно-правового регулирования.

Итак, число экзаменов, которые должен сдавать выпускник по окончании основного общего образования. Традиционно всегда в девятых классах было «два плюс два». Сегодня ситуация резко изменилась. У нас теперь два обязательных экзамена — по русскому языку и математике. И для абсолютного большинства выпускников они проводятся в форме ОГЭ.

Что касается экзаменов по выбору — это добровольно. Замечу, добровольность снизила число сдающих экзамен в 2014 году в разы. А в 2015 году заявок на сдачу таких добровольных экзаменов стало еще меньше.

Для оценки качества как инструмента управления это, вне всякого сомнения, очень плохо. Ведь у нас от 12 до 16 учебных предметов изучается по программе основного общего образования. Мы сегодня поставили на контроль только два из них. И поэтому вопрос объективности оценки уровня подготовки выпускников очень актуален. Так же, как и в случае с ЕГЭ, мы говорим о том, что целесообразно увеличивать количество экзаменов, которые должен сдавать выпускник. Но делать это нужно не сию секунду, а по мере того, как регионы будут к этому готовы. Возможно, это будет совпадать с процессом перехода

на новые образовательные стандарты, и это тоже правильно, потому что появился целый ряд рисков.

Есть и другие вопросы. Сколько экзаменов должно быть? Четыре? Или число их должно увеличиться до пяти и даже шести? Эти экзамены кто будет выбирать? Русский, математика — понятно. Но кто будет выбирать остальные предметы? Сами обучающиеся, или это право будет передано региону? А экзамены будут квалификационными или дисквалификационными? Если квалификационными, то такие экзамены будут давать возможность поступать в профильные десятые классы или в те СПО, где есть конкурс. Если дисквалификационными, то полученная двойка будет препятствием для продолжения образования, потому что встанет вопрос о получении аттестата. На эти вопросы сегодня готового ответа нет.

Поэтому риски связаны с ростом числа обязательных экзаменов. Это повлечет увеличение числа тех, кто не справится с минимальным порогом и не сможет получить аттестат. Наверное, потребуются изменение правил повторной пересдачи экзаменов. Нужно просчитать и дополнительные затраты, которые связаны с увеличением числа обязательных для сдачи экзаменов. И это не только трудовые ресурсы. Это и необходимая материальная составляющая для проведения таких экзаменов по физике, по информатике, по иностранному языку.

Сегодня к рискам я бы отнесла и то, что в настоящее время отсутствуют данные, которые подтверждали бы готовность системы СПО обеспечить необходимое число мест для выпускников основного общего образования. В первую очередь для тех, кто не пройдет порог и останется без аттестата. Регионам уже сегодня нужно обращать внимание на то, что число мест в СПО не должно снижаться. Более того, оно должно еще и увеличиваться в какой-то мере.

Далее. Кто будет определять минимальный порог? Сегодня такое право предоставлено регионам. Но для сохранения единого образовательного пространства при внесении определенного соответствия корреляции с ЕГЭ, единые стандарты подразумевают и единый минимум их освоения. Поэтому логично предположить, что наступит определенное время, когда порог станет единым для всех регионов, и к этому тоже нужно быть готовым.

Не утихают споры по поводу выбора: ОГЭ или ГВЭ? Предоставить такое право самим обучающимся? Да, мы понимаем, что как только такое право будет предоставлено, найдется целый ряд обучающихся, которые будут уходить от независимой и объективной оценки на систему ГВЭ. Нас это не устраивает, потому что ни о какой объективности тогда не будет и речи. Но есть одно «но»: сегодня ГВЭ у нас имеют право сдавать дети-инвалиды и дети, прошедшие психолого-медико-педагогические комиссии.

Прошлый год показал, что ПМПК сегодня не готовы в полной мере выполнить поставленные перед ними задачи, требуются серьезные изменения и в регламенте работы, потому что они до сих пор руководствуются приказом Минздрава 1981 года. Они сегодня совершенно не учитывают специфику того, что у нас обязательное среднее общее образование, и поэтому все обучающиеся должны в той или иной форме, но получить возможность прохождения этой аттестации. Поэтому решать этот вопрос нам придется совместно с Минздравом, и он требует отдельной проработки.

Надо подумать о прохождении итоговой аттестации по родному языку для обучающихся, которые изучают родной язык из числа языков народов Российской Федерации. Этот вопрос остается открытым.

Мы говорим о том, что полученные результаты на государственной итоговой аттестации должны иметь прямое отношение к образовательной траектории обучающихся. Те, кто преодолел этот барьер, имеют право поступления в 10-й класс и в среднее профессиональное образование. Но были и, наверное, всегда будут те, кто получает две двойки или те, кто не может пересдать. То есть объективно появляется группа ребят, которые остаются без аттестатов.

Важно сегодня понять варианты образовательной траектории, которые мы предлагаем. Неправильно, если это будет только второй год в 9-м классе. Кстати, и в этом случае тоже придется вносить изменения нормативно. Необходимо рассматривать вариант получения рабочей профессии, но при этом мы должны понимать, где ее можно получить: в центре прикладных квалификаций, на производстве, в тех же организациях СПО. При этом получение рабочей квалификации означает неполучение среднего профессионального образования. Это разные направления в образовательной траектории.

И если ученик выбирает эту форму, мы должны создать условия для того, чтобы одновременно он получил основное общее образование и, пересдавая через год экзамены, в конце концов получил аттестат. Иначе мы закрываем ему дорогу для дальнейшей карьеры, для дальнейшего образования. Как вариант надо использовать интегрированные программы. Необходимо внести соответствующие изменения и в тот приказ, который сегодня ограничивает доступ в СПО для выпускников 9-х классов, ушедших со справкой и не получивших общего образования.

Государственная итоговая аттестация — один из инструментов контроля качества, но он не может быть единственным. Он будет работать только в том случае, если дополнением к нему станут национальные исследования качества, которые сегодня уже проводятся. В сочетании с международными исследованиями надо проводить оценку качества подготовки по отдельным предметам, предметным областям на протяжении всего периода обучения, а не только на выпуске 9-го класса.

Внешний контроль может включать в себя не только исследования качества образования, проводимые на федеральном уровне, это могут быть срезовые контрольные работы, которые проводятся на уровне субъекта Федерации или муниципалитета. Тогда система оценки качества совместно с оценкой качества самого образовательного учреждения в комплексе и даст эффект повышения уровня подготовки наших выпускников.

Сергей КРАВЦОВ

Руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки

Итоговая аттестация начиналась с принятием концепции профильного обучения в 2002 году, когда впервые было предложено, чтобы итоговая аттестация в 9-х классах проходила объективно и независимо. Для чего это было

сделано? Для того чтобы дать возможность школьникам, которые ориентированы на тот или иной профиль, продемонстрировать свои знания и поступить в соответствии с выбранным профилем.

В течение десяти лет апробация шла во всех субъектах Российской Федерации. Серьезных вопросов со стороны организаторов, учителей она практически не вызвала. Создавались муниципальные экзаменационные комиссии, разрабатывались экзаменационные материалы на федеральном уровне в соответствии со стандартом. Впервые, в соответствии со статьей 59, такая форма объективного оценивания 9-х классов была введена в закон, и в 2014 году мы его провели.

Есть особый порядок проведения итоговой аттестации, утвержденный Министерством образования и науки. Аналогичная итоговая аттестация предусмотрена после 11-го класса. Есть соответствующий приказ министерства об участии общественных наблюдателей в итоговой аттестации 9-х классов. К сожалению, у нас в итоговой аттестации не так активно участвуют общественные наблюдатели, но мы надеемся, что этот процесс будет усилен. И утверждается каждый год приказом министерства единое расписание проведения итоговой аттестации 9-х классов и Единого государственного экзамена. При этом дни экзаменов разводятся, мы обязательно обсуждаем со всеми регионами, с учителями, чтобы у нас не было никаких накладок по поводу сроков обработки материалов.

Теперь что касается Основного государственного экзамена, где используются КИМы в соответствии со стандартом общего образования. Экзаменационные материалы разрабатываются в регионах, но задания разрабатываются на федеральном уровне. Добавлю, что государственный выпускной экзамен проводится в форме письменных и устных испытаний, с использованием текстов, тем, заданий, билетов не только для детей с ограниченными возможностями здоровья, но и для обучающихся в зарубежных школах.

Что касается родного языка и родной литературы, то, в соответствии с законом, экзамен по родному языку и родной литературе после 9-го класса проводится в форме, устанавливаемой органом исполнительной власти, но только по выбору обучающихся. Поэтому какой-то обязательности здесь не может быть. В соответствии с законом, обучающийся выбирает предмет и изъявляет желание сдавать этот экзамен.

У нас, действительно, два обязательных предмета в 2014 году: русский язык и математика; остальные, необязательные предметы — по выбору, но их перечень также регламентирован законом: это география, физика, биология, то есть ограниченный перечень, из которых школьник может выбрать предмет и сдать экзамен.

И в соответствии с порядком проведения итоговой аттестации, в отличие от Единого государственного экзамена, предусмотрена категория «пересдача Государственной итоговой аттестации» и в августе, и в сентябре.

Каковы, еще раз подчеркну, особенности проведения Основного государственного экзамена? Так как это более массовая форма, то разработка заданий проводится на федеральном уровне, Федеральным институтом педагогических измерений, в соответствии со стандартом. Все методические рекомендации,

регламентирующие деятельность организаторов, комиссий, проверки, тоже разрабатываются на федеральном уровне, чтобы были единые требования в каждом субъекте Российской Федерации по организации и сдаче итоговой аттестации.

Обеспечение пунктов проведения экзаменов видеонаблюдениями или средствами подавления сотовой связи отдается на решение органа исполнительной власти. В 2014 году ряд регионов вводил систему видеонаблюдения. Но в большинстве случаев ее не использовали, хотя в 2015 году видеонаблюдение будет применяться шире.

Формирование экзаменационных материалов в 9-х классах ведется самим органом исполнительной власти из открытого банка заданий, который есть на сайте Федерального института педагогических измерений. То есть в 9-х классах у нас фактически каждый субъект Российской Федерации имеет свои экзаменационные материалы из того открытого банка заданий, который разработан на федеральном уровне.

Поэтому по 9-м классам есть полностью открытый банк заданий по всем предметам, который активно используют школьники в подготовке к итоговой аттестации. Есть и отдельный ресурс для органов исполнительной власти, используя который, они формируют непосредственно контрольно-измерительные материалы из открытого банка заданий.

Теперь по поводу итогов 2014 года.

Общее количество сдававших экзамен по русскому языку составляет 1 миллион 181 тысячу 742 школьника. Успешно сдали русский язык 1 миллион 156 тысяч 491 человек.

О судьбе школьников. Кто-то остается на второй год в 9-м классе, где-то есть индивидуальное обучение. Серьезных сигналов в Рособрудзор по 9-м классам нет. Я проанализировал обращения граждан из регионов. Всегда будут учащиеся, которые не сдали итоговую аттестацию по понятным причинам. Для них должна быть своя траектория. Мы должны понимать, как детям жить дальше: либо они получают профессиональную подготовку, либо образование, чтобы они не остались на улице.

Теперь по поводу выборности предметов.

В 2013 году было два обязательных предмета и два предмета по выбору. С введением нормы, когда два обязательных предмета по выбору, а остальные предметы по выбору необязательны, количество сдающих обществознание уменьшилось. В 2013 году 41 процент школьников выбирали обществознание, в 2014 году — 9 процентов. Биологию в 2013 году выбрали 21,5 процента, в этом году — 3,5 процента. Физику — соответственно 12,8 и 4,1 процента.

Историю в 2013 году выбрали 8,3 процента, в 2014 году — менее 1 процента. То есть необязательность выбора приводит к тому, что школьники предмет не выбирают. Какие могут быть последствия, сказать несложно.

Что касается оценивания. Оно устанавливается по итоговой аттестации следующим образом. Мы рекомендуем минимальные баллы, перевод первичных баллов в оценки, и регион может устанавливать свою шкалу в зависимости от того, как прошел экзамен.

По результатам 2014 года 52 субъекта Российской Федерации понизили результаты до минимального балла по русскому языку, а 63 — по математике.

Здесь тоже разные причины. Мы это анализируем, чтобы в последующем все моменты учесть. Поэтому вопрос обязательного федерального шкалирования надо либо отдать на решение субъектам Российской Федерации, либо шкалировать по нашим рекомендациям. Этот вопрос следует обсудить.

Основная проблема, которую мы видим в проведении аттестации 2014 года — это необъективность. Региональная организация итоговой аттестации в субъектах Российской Федерации зачастую шла с нарушениями со стороны организаторов. И в 2015 году у нас частично будут проверки пунктов проведения итоговой аттестации по девятым классам. Медвежья услуга ученикам не нужна.

Вторая проблема — снижение выборности предметов. А международная практика показывает, что в странах с высокими показателями максимальное количество экзаменов проходит и в начальной, основной, и в старшей школе.

Наталья ТРЕТЬЯК

Первый заместитель министра образования и науки

Один из принципов деятельности министерства — не принимать каких-либо изменений без широкого предварительного общественного обсуждения. Надеюсь, что сегодняшнее заседание позволит нам выработать взвешенные решения.

Коллеги неоднократно говорили о том, что объективность итоговой аттестации очень важна для ученика. Это позволяет ему оценить свои способности, определить дальнейшую траекторию. Она важна для учителя, для школы. Она важна для нас, для органов управления образованием, чтобы определить болевые точки, где мы должны оказать помощь и школам, и регионам. Ярким примером могут послужить те программы, которые мы разрабатываем в отношении русского языка и математики по результатам итоговой аттестации 2014 года.

Какие изменения мы хотим продумать?

Достаточно актуально встает вопрос увеличения количества предметов, сдаваемых по выбору. Сейчас таких предметов только два, и два обязательных: русский язык и математика. Предметы по выбору являются добровольными. Мы предполагаем, что с 2016 года целесообразно ввести в дополнение к двум обязательным учебным предметам и двум по выбору еще два предмета по выбору. При этом мы предлагаем сохранить существующий ныне порядок: не учитывать результаты итоговой аттестации по предметам по выбору на аттестат об образовании, на аттестат за девять классов. Мы делаем это совершенно сознательно для того, чтобы снизить психологический барьер для учащихся и снять страх перед возможностью сдачи экзамена по выбору.

При этом мы предлагаем сохранить возможность регионам устанавливать минимальный порог прохождения итоговой аттестации, но при этом будет применяться единая система оценивания, которая разработана Рособрудзором. Это позволит регионам, с одной стороны, мягко подготовить учащихся к итоговой аттестации, с другой стороны, объективно оценить реальный уровень образования и реально спрогнозировать, какое число учеников в принципе могут

не пройти итоговую аттестацию за девять классов. Это очень важно, потому что ни один ребенок не должен быть выброшен на улицу, для каждого такого ребенка должна быть продумана своя траектория развития. Это возможность и профессионального обучения, и получения основного общего образования в других формах: на базе учреждения профессионального образования, на базе вечерних, сменных общеобразовательных учреждений, в форме образования и иных различных формах.

А вот в 2017 году, то есть через два года, предлагается, при сохранении двух обязательных и двух учебных предметов по выбору, предоставить Российской Федерации право установления шкалирования на федеральном уровне. Для этого потребуются изменения в законе, я тут надеюсь на понимание и поддержку коллег-депутатов. Но мы считаем, что это является необходимым условием для повышения прозрачности и объективности итоговой аттестации и для обеспечения, что не менее важно в условиях нашей многонациональной страны, единства образовательного пространства. Единство требований определяет и единство содержания образования.

Также предполагается, что с 2017 года результаты экзамена должны влиять на итоговую оценку в школьной аттестации. С 2018 года к предметам по выбору добавим еще один, и с 2020 года добавим еще один. Таким образом, предполагается, что у нас будет два обязательных экзамена: математика и русский язык и четыре предмета, которые учащийся сдает по выбору из того цикла предметов, которые изучаются в общеобразовательной школе. При этом мы понимаем, что судьба тех детей, которые по разным причинам не смогли пройти итоговую аттестацию, должна быть регионами решена.

Мы провели анализ существующей системы профессионального обучения в регионах. Сегодня, к сожалению, мы должны констатировать, что она не удовлетворяет в полной мере потребности наших детей в получении профессионального образования. Профессиональное обучение не может осуществляться образовательными учреждениями как основной вид деятельности. Опять-таки потребуются изменения в законе. То есть в настоящее время профессиональное обучение осуществляется либо учреждениями профессионального образования наравне с другими видами профессионального образования или организациями, осуществляющими образовательную деятельность. Но я думаю, что спектр таких учреждений целесообразно расширить, это дает регионам дополнительные возможности.

Также нам следует говорить о том, что должны быть расширены возможности получения общего образования в различных формах. Надо более активно использовать формы сетевого взаимодействия. Нужно активно расширять программы основного общего образования на базе наших учреждений профессионального образования. Должны быть созданы возможности получения основного общего образования дистанционно, через систему консультационных пунктов. Это, безусловно, зона ответственности наших регионов.

Говоря об оценке качества образования, надо понимать, что бессмысленно проводить оценку образования только в 9-м и 11-м классах. Культура сдачи экзаменов, самопроверки и оценки своих достижений должна формироваться начиная с 1-го класса. Поэтому Министерством образования уже в этом году

проводилась система национальной оценки — мониторинг качества образования.

Начиная с 2016 года мы предлагаем ввести в практику наших школ всероссийские проверочные работы. Они будут и проводиться, и оцениваться самими образовательными учреждениями. Однако они будут проводиться по единым контрольно-измерительным материалам, оцениваться по единой системе, и для них будет установлен единый день проведения.

В 2015 году мы апробируем всероссийские проверочные работы на отдельных предметах, в отдельных классах и в ряде регионов. В 2016 году мы предполагаем ввести всероссийские проверочные работы в 4-м классе по итогам завершения начальной школы. И с 2017 года планируем ввести всероссийские проверочные работы в начальной и основной школе.

И еще очень важное направление — безусловная синхронизация контрольно-измерительных материалов с требованиями федерального государственного образовательного стандарта и с содержанием примерных образовательных программ, включенных в федеральный реестр Министерства образования.

Такие подходы позволяют, с одной стороны, обеспечить единство образовательного пространства для всех наших детей, гарантировать им равные права доступа к качественному образованию и в целом повысить качество образования не только общего, но и профессионального.

Лилия ГУМЕРОВА

Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию, культуре и информационной политике

Некоторое время назад все споры велись только вокруг того, быть или не быть Итоговой государственной аттестации, единому государственному экзамену. Сейчас, как правило, мы входим в конструктивное русло, обсуждая механизмы совершенствования, и это уже само по себе шаг вперед.

Совет Федерации — палата регионов, поэтому основной акцент сделаю на предложениях, которые мы обсуждали с коллегами-сенаторами. Для справки: в недавнем прошлом я была вице-премьером правительства Республики Башкортостан, курировала социальный блок. К сожалению, года два назад Республика Башкортостан входила в число субъектов, которые, так скажем, имеют не очень прозрачные и не очень объективные итоги Единого государственного экзамена. Однако в последнее время была проделана огромная работа министерством образования и Рособрнадзором совместно с субъектами Российской Федерации. Нам удалось переломить ситуацию, и теперь республика в числе хорошистов и отличников.

Что дало наибольший эффект? Организуя итоговую аттестацию в 9-х классах, прежде всего провели очень большую разъяснительную работу. У нас было два показателя, за которые, как говорится, били, за что страдали дети и родители. Это аномально высокие итоги по некоторым предметам, выкладка КИМов в Интернете. Мы дошли буквально до каждого ученика деревенской школы, объяснили каждому родителю, что значит для будущего его ребенка

честная и объективная сдача экзамена. И половину вопросов мы сняли тут же.

Когда шли дискуссии по Федеральному закону «Об образовании», в любой аудитории, в том числе и от журналистов, можно было услышать: все плохо, закон плохой. Однажды я задала простой вопрос: а кто прочитал закон? Подняли руки двое из 50 человек. Поэтому наивно полагать, что очень большое количество методических рекомендаций доведено до родителей. Может быть, есть непонимание и в профессиональном сообществе.

Мы сейчас услышали, что никаких изменений в этом году не будет, что они появятся только после обсуждения в субъектах Федерации. Сенаторы тоже считают, что очень важно провести такие обсуждения. Потому что на 80 процентов ажиотаж рождается из-за незнания, непонимания процессов.

Еще один момент. Нужен учет психологических особенностей наших ребят. Если провести анализ, сколько здоровых детей приходит в первый класс, сколько здоровых мы видим в 9-х и 11-х классах, то результаты не обрадуют. И мне думается, что очень важно сейчас профильным комитетам Совета Федерации и Государственной Думы, министерству образования и Министерству здравоохранения в корне пересмотреть работу психологов, медико-психологических комиссий, медико-педагогических комиссий. Ведь ресурс, которым они обладают, компетенции и схема финансирования не позволяют учитывать особенности наших ребят. А что происходит с их здоровьем, насколько медицина может помочь? Нам нужно выписать круг вопросов и подумать, как сделать так, чтобы комиссии работали во благо и помогали объективному прохождению Государственной итоговой аттестации, Единого государственного экзамена в пользу наших ребят с учетом особенностей их здоровья. И если мы загоним всех в рамки без учета особенностей здоровья, то многие результаты будут необъективными.

Очень важно сегодня в субъектах, в национальных республиках разъяснить наши позиции относительно родного языка. В открытой и доступной форме мы должны донести идею добровольности. Многое, что касается государственной итоговой аттестации, является творчеством субъекта. Здесь достаточно большой простор. Но я встречалась с коллегами, кто в прошлом курировал образование, обсуждали ситуацию. Мы просто по другим проектам работали, и всегда были важны правильно выстроенные рекомендации. Не потому что в субъектах не умеют работать. Просто чтобы не получилось — кто во что горазд. И многие практики говорят, что примерные положения, примерные схемы и допустимые рамки очень важны, чтобы процесс стал единым на всей территории Российской Федерации.

Ольга АРТЕМЕНКО

Руководитель Центра этнокультурной стратегии образования Федерального института развития образования

Ключевым понятием заявленной темы является качество образования. Именно качество образования в массовой, не элитной школе. И, конечно, мы должны думать о том, как дать каждому ребенку качественное образование.

Отчего же зависит качественное образование, чем оно определяется, какие компетенции мы формируем в процессе образования? Известный психолог Выготский определял такие компетенции, а именно: умение выделять суть явления и объекта, умение видеть причину и прогнозировать последствия, умение систематизировать информацию и строить целостную картину ситуации.

К сожалению, за постсоветский период практически разрушена методика преподавания. Ее заменили образовательными технологиями. И сегодня мы с вами говорим в основном об образовательных технологиях, забывая о ребенке. Только в последнем выступлении немножко было сказано о детях. Советские методические приемы были довольно-таки эффективны. Сейчас считается одной из лучших финская система образования. Но финны взяли наши методики и наши приемы. Они перевели на свой язык методики преподавания химии, математики, физики. Финны теперь приглашают наших учителей знакомиться с нашими советскими методиками. Жизнь показывает, таким образом, что нам не все нужно выбрасывать, что есть смысл к чему-то вернуться. И в Соединенных Штатах есть математические школы, где на русском языке ведется преподавание и используются советские методики.

Хочу обратить внимание на данные филологов МГУ. Они утверждают, что у современного абитуриента не сформированы системы языковых компетенций. А почему? Потому что нарушена системность преподавания предмета. Заменяя технологии, мы проводим с 2007 года Всероссийский мастер-класс учителей. Очень заметно, как уходит у учителя методика, как теряется предметная цель, как исчезает целостное предметное видение. Конечно, это очень обидно.

По данным ученых Санкт-Петербургского университета, менее 20 процентов детей по окончании школы умеют выделять суть и видеть причинно-следственные связи, а это значит, что и в вузах учить студентов становится сложнее. Это же очень важные психофизиологические функции, которые раньше школа формировала.

Интерес для нас представляет опыт коллег из Республики Крым. Они методики сохранили, во всяком случае, в языковом блоке — точно. И, как результат, разработали современную линейку учебников по русскому языку на порядок лучше. И уровень знания русского языка сохранили достаточно высоким — даже при его преподавании один час в неделю. У нас есть опыт, который мы должны изучать, анализировать и брать то, что действительно повысит качество образования наших детей.

Ольга ХОХЛОВА

Заместитель председателя Законодательного Собрания Владимирской области

В соответствии с законодательством у нас появились полномочия по проведению государственной итоговой аттестации. Она передана на региональный уровень. Это, наверное, хорошо, это самостоятельность.

Хочу поддержать Лилию Салаватовну Гумерову в том, что нам очень важно сохранить единые требования в формировании экзаменационных материалов и, конечно, критерии оценки

результатов выполнения заданий. Как уже говорили многие выступающие, сегодня объективность определения экзаменов чрезвычайно важна. То есть речь идет о цене оценки.

Единое образовательное пространство нам очень важно сохранить, поэтому хотелось бы выйти с таким предложением: регламентация нормы по составлению данных измерительных материалов должна быть зафиксирована. Да, у нас есть открытый банк, но регламентация позволяет правильно распорядиться его данными.

Возможно, надо обучить экспертов, которые будут готовить контрольно-измерительные материалы. Когда мы готовили материалы для ЕГЭ, то очень серьезно подходили к этому вопросу. Поэтому вопрос в адрес Рособрнадзора: как мы будем контролировать вот эти материалы, как мы будем проводить мониторинги, чтобы получить на выходе объективность, чтобы сохранить единое образовательное пространство.

Людмила РЕДЬКО

***Заместитель председателя Комитета по образованию
Думы Ставропольского края***

Если мы ввели ГИА для того, чтобы иметь, как сегодня звучит, в приоритете прозрачность, объективность и так далее, то мы этого уже добились, уже прозрачней некуда. У нас 63 региона по математике поставили единицу с минусом и дают аттестат. Следующий уровень прозрачности нам что покажет? Нам нужно сегодня говорить о том, что именно должно идти за прозрачностью. Не надо тратить силы на ужесточение мер по достижению прозрачности.

И вот в чем мне представляется суть вопроса, с которым сейчас обратились к Рособрнадзору. Я думаю, что тут Рособрнадзор совершенно ни при чем. Мы доверили формировать банк тестовых материалов федеральным органам, а программы составлять, по которым мы учим детей, разрешили регионам. Более того, формулировки в программах закладываются такие, как в регионе представляют себе правильным. То есть как там владеют языком, нормативной лексикой, так эти программы и составляют. До 50 процентов времени у детей 14–15 лет уходило на то, чтобы сопоставить стандартную формулировку с той формулировкой, которую применили в их конкретной школе, в их конкретном регионе.

Поэтому если мы измеряем результат чего бы то ни было, понятия должны быть идентичными, то есть как учили, в тех же словах, в тех же формулировках должны быть задания. А это невозможно, потому что ни у министерства, ни у Службы по надзору никаких ни сил, ни ресурсов не хватит контролировать, как в школах и в регионах составляются эти программы. Я и привезла сюда примерные образовательные программы. Они по всем предметам одинаково звучат. То есть это не решаемый вопрос на уровне ни региона отдельно, ни Федерации. Значит, это нужно как-то согласовывать.

И вторая тема. Дети с проблемами экзамен сдают такой же, как дети, которые учатся по обычным программам. Чтобы сдавать выпускной экзамен,

проблемным детям нужно получить дополнительную справку и дополнительные документы. Но если они не учились по тем программам, которые требует ОГЭ, какие нужны справки? Надо от этого их просто освободить. Если они уже собрали кучу документов, чтобы считаться особенными детьми, детьми с проблемами, то заставлять их на выходе собирать дополнительные документы просто негуманно. Тут еще играет огромную роль психологическая составляющая. И лучшее, что я сегодня услышала, например, это то, что сказала Наталья Владимировна Третьяк: «не будем ничего трогать».

Любой недоработанный документ принесет гораздо меньше вреда, если мы с ним начнем работать, потихоньку устраняя узкие места. Педагогическое сообщество находится в вибрации. ЕГЭ поправили, поправится и остальное, только нужно очень осторожно делать эти шаги.

И последнее. Мне представляется, что сначала нужно законодательно обеспечивать решение, а потом его вводить. Если мы выпускаем ребенка со справкой из 9-го класса, то можем забыть о том, что он получит образование. Многие из таких ребят не останутся на второй год. А если они находят альтернативную форму существования — на производстве или в реализации товаров на рынке, то вернуть их в школу будет практически невозможно. Поэтому, конечно, мучительна процедура пересдач. Одна, вторая, третья пересдача... Но пока действует закон «О всеобщем образовании», это единственный вариант.

Виктор ДОЦЕНКО

Заместитель председателя Комитета по образованию, науке, культуре и спорту Законодательного Собрания Оренбургской области

Очень плохо, что оценки у нашего образования имеют разные показатели в зависимости от времени и от территории. Получается такой купаж, потому что баллы в 2014 году — это одно, а баллы в 2012 году — это другое. Каждый регион определяет у себя шкалу оценок и говорит, что тройка в Твери соответствует четверке во Владимире. У нас не получается единого образовательного пространства. И если мы говорим, что это является основой для поступления в средние учебные заведения, тогда непонятно, от чего отталкиваемся. Метр — он метр и в Оренбурге, и в Ставрополе, и в Москве. То есть должна быть единая система.

О ребятах, которые не сдали экзамен. Мне кажется, перекладывать эту проблему опять на уровень субъектов неправильно. Вы, мол, разбирайтесь с ними сами, как хотите. Выходит, проще таких школьников не показывать. Худо-бедно вытолкнули и забыли про них. Может быть, дальнейшее образование им и не нужно совершенно, но единый подход должен быть в этом соблюден по всей России. Потому что образовательное пространство объединяет и формирует государство. И чем быстрее мы найдем ответы на подобные вопросы, тем меньше совершим ошибок. Ведь получается, что вначале запустили машину, а потом говорим: через год-другой выпустим инструкцию к пользованию этой машиной. Со временем, может быть, начнем выпускать запасные части. А может, и не начнем. Но покупайте и внедряйте эту технику.

Наталья СЕМЁНОВА

Заместитель министра образования Ульяновской области

О детях, которые остались без аттестата. Получается, что этот ребенок вновь заходит, как второгодник, в школу. Однако напомню, что у нас пока подушевое финансирование. Содержание и обучение этого ребенка мы оплачиваем дважды, а может быть, и трижды. Соответственно, подготовка отличника у нас выходит дешевле, чем обучение двоечника. А не лучше ли эти субвенции перераспределить на уровень профобразования? Вот там, параллельно получая профессию, ребенок мог бы и получить общее образование.

Для того чтобы снимать психологические барьеры ребенка и родителей перед сдачей ЕГЭ, я бы предложила визуально бланки ГИА максимально приблизить к бланкам ЕГЭ. Это будет некий психотерапевтический курс, и психологически, зрительно ребенок будет готов сдавать дальше.

И еще в качестве предложения: необходимо сохранить подготовку экспертов на уровне Федерального института педагогических измерений. Это был хороший опыт. Работала модель. Поэтому мне представляется, что этот опыт и модель нужно обязательно сохранить.

Надежда ПОПОВА

Директор Центра мониторинга качества образования министерства образования Республики Саха (Якутия)

Благодаря тому, что наша республика уже участвует в Едином государственном экзамене 15-й раз, и благодаря тому, что республика принимала участие в апробации Государственной итоговой аттестации, итоговая аттестация по образовательным программам основного общего образования в новой форме у нас не вызывает особых вопросов.

Для обеспечения полного соблюдения требований законодательства при проведении Государственной итоговой аттестации по программам основного общего образования необходимы дооснащение пунктов проведения техническими средствами и оборудованием, установка видеонаблюдения в пунктах проведения экзаменов, приобретение программного обеспечения.

В этом плане регионам, я думаю, необходима финансовая поддержка со стороны федеральных центров за счет федеральной целевой программы «Развитие образования», как это было при реализации комплексного проекта модернизации региональной системы образования.

Второй момент, на котором я хочу остановиться. В соответствии с требованиями статьи 9 Федерального закона 152 «О персональных данных...», девятиклассник, если он является совершеннолетним, либо родители или его законные представители должны дать согласие на обработку своих персональных данных с целью внесения их в региональную информационную систему обеспечения проведения государственного экзамена.

В этом году у нас в Ленском районе родители одного несовершеннолет-

него выпускника не дали согласие на обработку персональных данных сына. Конечно, после долгих бесед все же родители согласились, но я думаю, что с такой правовой коллизией, наверное, столкнулась не только Республика Саха (Якутия), но и другие регионы.

Стелла ЦИМБАЛЮК

Директор государственного бюджетного общеобразовательного учреждения гимназии № 1503

Беспокоит меня вот что. Некоторые учителя уже с первого класса готовятся к ЕГЭ. Они купили тесты, родителей организуют, хотя мы понимаем, что тесты — это не обучение. И ОГЭ и ЕГЭ — это тоже не полный контроль качества образования, как бы нам того ни хотелось.

Да, надо повысить качество образования, и тогда итоговая аттестация будет инструментом. А над инструментом нужно работать. Мы пришли к тому, что у нас дети сейчас не умеют говорить, потому что смотрят в тесты. Потому что нет устных экзаменов. Слава богу, у нас английский будет в этом году сдаваться с устной частью в девятом классе.

Когда мы начинаем читать сегодняшние нормативные документы... Синтаксис там такой, что пока найдешь, что нужно, голова кругом! На 178 страницах тот документ, который мы сегодня обсуждаем.

Мне еще хотелось бы сказать о больных детях. Давайте посмотрим правде в глаза: если больной ребенок, нужно его освобождать по результатам тех оценок, которые он имеет. Могу привести в пример детей-инвалидов, которые в нашей школе будут сдавать экзамены. Одна девочка, очень успешная, почти абсолютно глухая, учится у нас с 1-го класса и будет сдавать ОГЭ.

Ей нужны особые условия, она не услышит изложения, и она хотела еще сдавать английский. Мы ее отговорили, но она идет на экзамен по выбору — на обществознание. Там будут ей созданы специальные условия, но я не знаю, без сурдопереводчика сможет ли она услышать? Она читает все по губам, и учителя с ней работают так, чтобы она их видела. Она почти отличница.

Я переговорила с руководством департамента образования. Обещали помочь. А что делать другим педагогам, которые не могут напрямую выйти на руководство?

Венера ДЕНИСКИНА

Заведующая лабораторией Федерального государственного научного учреждения Института коррекционной педагогики

Я буду говорить о слепых и слабовидящих, так как по роду своей деятельности занимаюсь этими детьми.

В методических рекомендациях уже находят отражения наши требования об использовании брайлевской пишущей машинки, специалистов, которые рельефно-точечный шрифт для слепых переводят на плоский. Теперь только остается документ, в частности, пункт 42а «О порядке проведения ГИА по общеобразовательным

программам» дополнить такими словами: письменные принадлежности для лиц, пишущих рельефно-точечным шрифтом, потому что в отдельных регионах не знают, что такое пишущая машинка, а некоторые люди уже приобретают эти машинки.

Теперь относительно подготовки детей и программ. Мне кажется, что базовые программы обязательно должны быть, потому что мы говорим: адаптированные программы. Но кто-то их должен адаптировать! Только специалист может написать программу, как учить слепого информатике, физике и так далее. По физике, по математике специальные программы не нужны, там методики нужны. А вот по начальной школе в последний раз программа для слепых переиздавалась в 1983 году. И с тех пор, сколько бы я ни кричала на всех перекрестках, меня не слышат.

Встает вопрос о тифлопереводчиках по химии, физике, информатике. Я категорически против того, чтобы кому-то запрещать сдавать ОГЭ. Если человек хочет и может, он должен сдавать. Но у нас почти нет специалистов. Эта проблема встанет обязательно и на ЕГЭ, и на ОГЭ. Когда у нас вся страна, включая окраины, обучалась, была уникальная система повышения квалификации именно этих специалистов.

Владимир БУРМАТОВ

Первый заместитель председателя Комитета по образованию

На мой взгляд, было бы очень полезно провести более глубокое обсуждение, секторальное, я бы сказал, в аудиториях. Может быть, с директорами школ. И с родительскими организациями, я считаю, это надо обязательно отдельно обсуждать.

У меня, что называется, по ходу тоже появился вопрос. Как оценивать эффективность и работоспособность открытого банка заданий для 9-го класса? Есть ли какие-то издержки, которые бы показали его не работоспособность, неэффективность, еще какие-то проблемы, которые там возникают?

Каждый раз такие вопросы имеют колоссальный резонанс, особенно в регионах. Я считаю, тут надо просто помирить две стороны. Если нам в регионе говорят, что готовы реагировать на каждую ситуацию отдельно, то давайте это услышим. Если мы говорим, что на сигналы, которые мы подаем, не реагируют в каких-то регионах, то уж постарайтесь нас услышать. Ведь дело у нас общее.

Мы можем сейчас говорить о любом системном решении. Но ни одно такое решение не исчерпывает тех ситуаций, которые присутствующие могут назвать. Поэтому я прошу и министерство, и Рособрудзор не закрываться от этих человеческих историй.

Тем не менее, я считаю сегодняшний разговор весьма конструктивным и содержательным. Однако не хочу, чтобы кто-то питал иллюзии по поводу того, что проблемы будут исчерпаны этим обсуждением. А дальше, мол, мы в процесс войдем, и все решится без шероховатостей. Повторюсь, обсуждение надо продолжать, поскольку у нас сегодня выпали целые блоки вопросов. Просто некому было их поднимать.

«УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС»

Как начинаются гибридные войны

Андрей ДЕМИДОВ

В качестве социальной базы, благоприятной для проведения подрывных действий на основе стратегии «управляемого хаоса», выступает появившаяся в последние годы в обществах многих стран мира прослойка лиц, потерявших свои социальные, конфессиональные и национальные корни, историческую память, не имеющих четких нравственных принципов и политических ориентиров. Это очень важное обстоятельство. Такая прослойка может называться по-разному: «активное меньшинство», «прогрессивное меньшинство», «креативное меньшинство».

ДЕМИДОВ Андрей Владимирович, кандидат политических наук

В последнее время для решения межгосударственных проблем, существующих в современном мире, в дополнение к традиционным дипломатическим акциям и боевым действиям все больше стали применяться технологии действий не прямых, подрывающих государство-соперника изнутри. Названий таким технологиям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос», «гибридные войны» и т. д.

К таким средствам можно отнести и так называемые «твиттерные» революции, искусственно созданные оппозиции, раздувающие протестные движения. Характерной особенностью реализации рассматриваемых стратегий в нужной Западу стране и даже в целом регионе является применение двойных стандартов. К примеру: волнения в рамках «арабской весны», практически одновременно, в течение двух месяцев, охватившие весь регион Ближнего Востока, не получили революционного развития в Саудовской Аравии и Катаре — верных союзниках США. Там начинавшиеся беспорядки были в зародыше подавлены местными режимами быстро и беспощадно и, что самое интересное, без какого бы то ни было протеста из Вашингтона и других западных столиц.

В качестве предтечи стратегии «управляемого хаоса» можно рассматривать введенное в научный оборот в 1940-х годах британским военным теоретиком Бэзиллом Гарттом понятие «стратегии не прямых действий», предполагавшее необходимость для решительной победы над противником наносить сосредоточенные массированные удары в первую очередь по тыловым базам и транспортной инфраструктуре противника. Применение подобной стратегии, по замыслу автора, лишает противника возможности оказывать длительное эффективное сопротивление.

Авторство же непосредственно стратегии «управляемого хаоса», вошедшей в научный и политический оборот с середины 1990-х годов приписывают американскому геополитику и дипломату Стивену Манну, опубликовавшему в 1992 году в журнале вашингтонского Национального военного колледжа США исследование под заголовком «Теория хаоса и стратегическое мышление».

Стратегия «управляемого хаоса» — системное дестабилизирующее воздействие на конкретную страну, группу стран или даже на целый регион.

Практика показывает, что в наши дни для достижения состояния «управляемого хаоса» применяется широкий набор экономических, политических, информационных, психологических и других методов, имеющих целью подрыв государственного устройства страны, подлежащей, по мнению Белого дома и Госдепартамента, трансформации. В этой связи неудивительно, что в последние годы американские политологи все чаще для обозначения подобного воздействия применяют термин «умная сила» («smart power»).

В стратегии «управляемого хаоса» выделяются основные элементы.

Подрыв государственного и общественного устройства государства-противника («государства-жертвы») с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы. К примеру, подобная стратегия была применена в 1990-х годах против СССР.

Создание в общественном сознании через СМИ стереотипов зарубежных государств. Они работают на не прямое навязывание обществам других стран выгодного представления о процессах в мире, в отдельных государствах. Эти стереотипы закладывают образ мышления и поведения, предпочтительные

для государства, реализующего стратегию «управляемого хаоса» («государства-агрессора»).

Давление на «государство-жертву» с использованием стратегии «управляемого хаоса» может осуществляться даже при сохранении официальных дружественных отношений с ней. В качестве основного объекта приложения такой геополитической агрессии выбираются правящие круги «государства-жертвы». Цель такой агрессии — взять под непрямой контроль высшие эшелоны власти этого государства через тайное воздействие с использованием агентов влияния. Таким образом достигается манипулирование поведением отдельных индивидуумов и целых групп в обществе в нужном для «страны-агрессора» направлении и, более того, достигается не прямое воздействие как на формирование политики государства-жертвы, так и на непосредственное осуществление его внутренней и внешней политики.

Проведение политики «управляемого хаоса», по замыслу авторов этой концепции, должно основываться на ряде принципов, каждый из которых соответствует определенному этапу в применении этой политики.

Главный принцип — «государство-агрессор» избегает прямой конфронтации с «государством-жертвой».

Используются скрытые или, иными словами, подрывные технологии с целью лишить «государство-жертву» возможности обладать экономической самодостаточностью и самообеспеченностью и поддерживать их.

Главным объектом агрессии с использованием «управляемого хаоса» становится политико-административное устройство «государства-жертвы» и его критически важное звено (в случае с развалом СССР таким звеном, подвергшимся основному удару, была КПСС).

«Стране-жертве», как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом плане, наносятся внезапные, множественные, взаимосвязанные в пространстве и во времени изматывающие точечные удары по жизненно важным, слабо защищенным компонентам политической системы.

«Государство-агрессор» способствует складыванию в «государстве-жертве» обстановки социально-политического «управляемого хаоса». В дальнейшем это ведет к разрушению государственной системы.

«Государство-агрессор» оказывает содействие в формировании в «стране-жертве» новой государственной системы с опорой на оппозиционные силы (агентов влияния).

В качестве отправного тезиса рассматриваемой стратегии используется постулат о нестабильности, неизменно присущей сфере управления действиями большой группы людей (в нашем случае — государства). По мнению авторов и проводников стратегии «управляемого хаоса», искусственно созданная обстановка нестабильности способствует лавиноподобному росту хаоса и в результате приводит к развалу существующей государственной системы.

Цель стратегии «управляемого хаоса» в понимании С. Манна — поразить системы государственного и военно-политического управления «страны-жертвы» или «страны-объекта», парализовать экономическую активность, дестабилизировать социальную и духовную жизнь этой страны.

Среди наиболее часто используемых механизмов складывания хаоса в «стране-объекте» многими аналитиками упоминаются:

– навязчивое продвижение с использованием всех доступных средств и методов, в том числе не самых чистоплотных, ценностей и идеалов либеральной демократии, а также экономики, построенной на чисто рыночной основе (мы сейчас наблюдаем подобные процессы в нашей стране);

– способствование преимущественному повышению уровня жизни незначительной прослойки населения, навязчиво характеризуемой недобросовестными СМИ в качестве так называемой элиты общества, что в сочетании со скрыто поощряемой коррупцией в высших эшелонах власти ведет к расколу в обществе;

– размывание через СМИ, кинопродукцию, социальные сети идейных и духовных ценностей, исторически складывавшихся в обществе «страны-жертвы» (в том числе дискредитация ценностей патриотизма);

– дезориентация молодежи «страны-жертвы», внедрение в сознание ложных ценностей, трансформация мировоззренческих и идеологических установок, создание условий для использования молодежи в качестве «горючего материала» во всевозможных внутренних конфликтах;

– складывание в «стране-жертве» обстановки, благоприятствующей возникновению и эффективному функционированию организаций и движений экстремистского толка (объединяющих политических оппозиционеров, воинствующие националистические и радикально-религиозные элементы, лиц, придерживающихся нетрадиционной сексуальной ориентации, и других маргиналов).

С. Манн не скрывал связи между рассматриваемой стратегией и стремлением США к глобальному доминированию. Соответственно, «управляемый хаос» выдвигается американским дипломатом в качестве одного из практических средств реализации американских геополитических амбиций.

В качестве социальной базы, благоприятной для проведения подрывных действий на основе стратегии «управляемого хаоса», выступает появившаяся в последние годы в обществах многих стран мира прослойка лиц, потерявших свои социальные, конфессиональные и национальные корни, историческую память, не имеющих четких нравственных принципов и политических ориентиров. Это очень важное обстоятельство.

Такая прослойка может называться по-разному: «активное меньшинство», «прогрессивное меньшинство», «креативное меньшинство». Главное, в чем следует давать себе отчет, это то, что на этих людей государство не может делать ставку, поскольку лица, отвечающие перечисленным характеристикам, охотно идут на антиобщественные и антигосударственные протестные проявления, через которые они надеются реализовать исключительно свои корыстные политические амбиции, а не интересы государства и общества.

Предпринимаются меры по подпитке таких прослоек кадрами, способными возглавить «несистемную оппозицию», кадрами, способными и желающими взяться за реализацию на месте стратегии «управляемого хаоса». Так, в США при Йельском университете запущена и успешно функционирует программа подготовки кадров («Yale World Fellows Program»), кадров, могущих в перспективе взять под контроль управленческие функции в «государстве-объекте» после складывания в нем обстановки «управляемого хаоса».

Псевдореволюционные процессы, запущенные в Украине, Грузии, Тунисе

и Египте, стали своего рода отработкой деталей политических спектаклей с опорой на внутреннюю оппозицию. В Ливии же была проведена первая спровоцированная реальная непрямая война НАТО по ликвидации режима, не устраивающего западные державы. Цель таких операций во всех рассматриваемых странах — приведение к власти лиц, получивших на Западе образование и политическую ориентацию, вытеснение России и Китая из конкретных стран и регионов, ослабление международных позиций России и Китая, рассматриваемых в Вашингтоне в качестве препятствий на пути к мировой гегемонии.

Вывод, напрашивающийся даже из поверхностного анализа стратегии и политики применения «управляемого хаоса», один — Россия должна противодействовать такой стратегии Запада, стратегии, которая может быть применена, а возможно, уже и применяется против нашей страны. Ни для кого не секрет, что в России используются противоправные инструменты «управляемого хаоса» через активность «псевдо-НПО», нетрадиционных религиозных организаций, преследующих указываемые извне цели дестабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Важно отметить, что эффективно противодействовать стратегии «управляемого хаоса» непросто. Международно-правовой базы такого противодействия не существует. Соответственно, все мероприятия, проводимые властями «страны-жертвы» по защите от разрушительных замыслов, будут изображаться «государством-агрессором» как меры, направленные на подавление демократии и прав человека.

***

Как противодействовать внедрению «управляемого хаоса» в России?

Российской политической науке настоятельно необходимо серьезно исследовать применяемые нашими противниками стратегии не прямых действий («гибридные войны», «управляемый хаос», «мягкая сила» и т. п.) с целью их нейтрализации и ликвидации последствий. На основе таких исследований можно было бы выработать практические рекомендации по оказанию подобного противодействия.

В частности, в качестве мер противодействия можно было бы рекомендовать следующее.

1. В первую очередь, в целях минимизации последствий использования такой стратегии и деятельности так называемого «активного меньшинства» правительство государства, желающего оградить себя от подобных стратегий, должно оперативно распространять в стране достоверную информацию о реальном положении дел в разных сферах жизни общества. Нельзя поощрять идущий в недобросовестных СМИ поиск отрицательной и компрометирующей нашу страну и наше государство информации. Муслирование негативной информации в СМИ есть проявление целенаправленной линии на разрушение государственности.

2. Необходимо оказывать государственное содействие и поддержку созданию и деятельности НПО и других элементов российского гражданского общества, имеющих патриотическую ориентацию, поддержку традиционным для нашей страны конфессиям. Государственные СМИ должны активнее вести патриотическую работу.

ПО ТЕМЕ

Гибридная война в прогнозах США и НАТО

Сегодня разработке вопросов ведения гибридной войны и противостояния гибридным угрозам посвящен ряд официальных документов армии США, в том числе Белая книга Командования специальных операций сухопутных войск США «Противодействие нетрадиционной войне» и оперативная концепция армии США «Победить в сложном мире».

Под гибридной войной американские военные подразумевают необъявленные, тайные военные действия, в ходе которых воюющая сторона атакует государственные структуры или регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними структурами (олигархами, организованной преступностью, националистическими и псевдорелигиозными организациями).

В документах США и НАТО говорится, что при основополагающей роли вооруженных сил для успешного противостояния в гибридных войнах государствам следует объединить усилия своих правительств, армий и разведок под эгидой США в рамках «всеобъемлющей межведомственной, межправительственной и международной стратегии» и максимально эффективно использовать методы «политического, экономического, военного и психологического давления».

В геополитическом контексте гибридная война представляет собой относительно новое понятие, применяемое главным образом в сфере операций специальных сил и сочетающее опыт жестких противостояний с возникающими угрозами международной безопасности и уроки, полученные в борьбе с экстремизмом государственных и негосударственных субъектов. Гибридная война ведется как силами, действующими внутри страны или региона и стремящимися ослабить или свергнуть правительство, так и внешними силами. В последние годы гибридные войны велись в Ираке, Афганистане, Сирии, Грузии, теперь — на Украине. Новой формой ведения нетрадиционной войны негосударственными субъектами являются действия ИГИЛ.

С учетом особенностей гибридной войны задачей правительства является организация противодействия за счет комплексного синергетического использования дипломатических, информационных, экономических, финансовых, правовых ресурсов государства совместно с военной силой. Не так давно ушедший в отставку министр обороны США Чак Хейгел говорил: «Призрак так называемой гибридной войны становится все реальней, когда наши противники применяют тактику повстанцев, используя при этом высоко оснащенные вооруженные силы и сложные технологии». При этом экс-министр заявил, что «Требования к армии (США) будут становиться все более разнообразными и сложными. Угроза со стороны террористов и мятежников будет существовать для нас еще долгое время, но мы также должны иметь дело с ревизионистской Россией, с ее современной и боеспособной армией».

<http://topwar.ru/65215-gibridnye-voyny-buduschego>

КУЛЬТУРОЛОГИЯ РУСОФОБИИ

Или почему русские куда-то идут

Владимир **МАРТЫНОВ**

Простое восклицание «Мы никуда не идем!» здесь не поможет. Необходимым и достаточным доказательством кровавых наклонностей всех русских является наличие огромного куска на глобусе, покрашенного одним цветом. Не помогут никакие факты. Какие факты, когда и так все понятно: «Русские идут!». Они всегда шли, у них природа такая, это такие особые существа с особыми имперскими мозгами, они ни пить, ни есть не хотят, им бы только «идти». «О, ужас!» — вздыхает в Совете безопасности Саманта Пауэр. Члены Совбеза понимающе выдыхают.

---

*МАРТЫНОВ Владимир Анатольевич,
доцент кафедры теологии и мировых культур социально-гуманитарного
факультета Омского государственного университета,
кандидат филологических наук*

24 февраля 2015 года в эфире Первого канала (программа «Структура момента») состоялось обсуждение проблемы русофобии. Среди прочих прозвучало одно выступление, по своему значению и смыслу выходящее далеко за пределы того, что обычно бывает в рамках теледебатов. Известный общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы Вячеслав Никонов описал русофобию как целостный феномен.

По Никонову, русофобия — прежде всего целостное конкретно-историческое явление. У него есть исторические границы. Возникновение русофобии — время около пятисот лет тому назад. Эффект фобии возникает как результат слома полярно противоположных стратегий. Вплоть до начала XVI века Запад воспринимал Россию как край, пригодный для колонизации и подлежащий колонизации. И вдруг в течение нескольких десятилетий после 1480 года неожиданно выясняется, что на полудиких и полуразоренных землях сложилось государство, которое не только готово сопротивляться колонизации, но и само потихоньку превращается в империю с колониальными амбициями. Шок от этого факта и есть начало «руссофобии».

Интересная мысль, замечательная уже тем, что дает возможность переместить тему русофобии из разговоров «за жизнь» в плоскость логики, в пространство научного дискурса. И еще: замечание В. Никонова о сломах разнонаправленных колониальных стратегий — это в том числе и богатая культурология. Предмет оказывается погруженным в исторический процесс, вплоть до социально-психологической конкретики. Речь вроде об общеизвестном давно, о московской государственности и идеологии «Москва — третий Рим». Но в свете найденной конкретики оказывается, что степень парадоксальности этой идеологии мы недооценивали, а она велика: ведь «третий Рим» — это вселенские амбиции. Откуда бы им взяться в пустынных степях? Что интересно, частично эти амбиции были удовлетворены. Мы-то об этом знаем, но задним числом, поэтому и не удивляемся. А удивиться есть чему. Там был какой-то избыток исторического оптимизма. Он отчасти и превращался в фобии соседей.

Согласимся с важностью той границы, на которую указывает Вячеслав Никонов. Превращение объекта колонизации в субъект — важнейший рубеж. Формирование образа России в глазах западного мира не могло не испытать влияния этой метаморфозы. Но здесь же можно поставить вопрос о возможных уточнениях. Неужели все эти пятьсот лет отношение к русским существенно не менялось? Не было ли каких-то исторических рубежей, которые существенно модифицировали общую матрицу?

***

Вначале небольшое отступление. Логика как конструкция и логические основания, импликации. Деконструкция русофобии. Попробуем найти какое-то подобие логики в фобии, там, где, если честно, искать не очень хочется, а хочется встать и громко крикнуть: «Бред!».

Подойдем к предмету со стороны слов, что о нас говорят. Слово — зеркало.

Мы уже знаем простым сократовским «внутренним голосом», что зеркало слов о нас кривое. Но и сама кривизна эта может быть интересной. Если у кривого зеркала степень кривизны одна и та же и ее можно как-то измерить, это поможет. Если степень искривления окажется арифметически простой закономерностью, то наглядность найденной элементарности может быть эвристически полезной. Диалогически эффективной. Тогда, может быть, кто-то захочет увидеть подлинную реальность.

Итак, что говорят... Говорят о нас плохо. Сравнение Путина с самыми известными автократами и тиранами — сверхпопулярная тема не только авторитетных западных СМИ, но и живых сетевых комментариев 2014 года. Доминирующая тема массовой эссеистики, любимый предмет упражнений карикатуристов. Сравнение, запущенное Хиллари Клинтон в марте (и позже ею же поддержанное), сразу было энергично подхвачено. Этого бы не случилось, если бы чего-то подобного не ждали. Соответствующие настроения не вчера появились, мы о них давно знаем. Обыкновенная русофобия. «Русские идут». Лучшее всего произносить это с воплем ужаса. Тональность массовых комментариев к новостным публикациям в ведущих американских СМИ («Washington Post», «New-York Times») была именно такова. «Если сегодня не остановить в Крыму, завтра русские будут в Вашингтоне».

«Русские идут» — это паранойя. И не только. Это все-таки еще и какая-никакая логика. Точнее, параноидальный предел некоей логики. У этой логики есть ядро, которое можно попытаться описать. Как кажется, сознание западного обывателя находится под давлением довольно простой схемы. С точки зрения такого сознания первичным и исключительным фактом является сама по себе реальность существования огромного государства, называвшего себя несколько столетий «империей». Факт существования огромной территории и титульной нации, русских, хозяев «империи». Единственной понятной обывателю формой связи этих двух фактов является цепочка-вывод: русские — кровавый народ-завоеватель. Вывод держится на простом силлогизме: если есть огромная империя, то она могла появиться на свет только через реки крови, только через уничтожение народов, живших исконно на этих пространствах, то есть через геноцид. Исходный тезис этой логики: империй без геноцида не бывает. Если империя большая, значит, крови было очень много, моря крови.

Правда, есть еще какие-то странные люди, русские писатели, которые обещают «вместить» в «русскую душу» «всех наших братьев» (все «народы Европы»)¹. «Ага, — говорит обыватель, — народы Европы и не знают, как они нам дороги»². Хотим «вместить» их в «душу», — это значит: «Где хошь найду и горло перережу» в интерпретации «Косого»-Крамарова признания детсадовского воспитателя в братской любви. А то, что эти писатели наперебой трубят на весь мир о каком-то «народе-богоносце», о «добром» и «отзывчивом» народе, так от этого только голова кругом идет, обыватель умозаключает: «А, эти русские еще и коварные лжецы!».

Простое восклицание «Мы никуда не идем!» здесь не поможет. Необходимым и достаточным доказательством кровавых наклонностей всех русских

является наличие огромного куска на глобусе, закрашенного одним цветом. Не помогут никакие факты. Фотографии стариков, живущих в подвалах, кривая оптика опять поместит в ряд свидетельств русских имперских амбиций. Какие факты, когда и так все понятно: «Русские идут!». Они всегда шли, у них природа такая, это такие особые существа с особыми имперскими мозгами, они ни пить, ни есть не хотят, им бы только «идти». «О ужас!» — вздыхает в Совете безопасности Саманта Пауэр. Члены Совбеза понимающе выдыхают.

Здесь, в этой точке, в рабочем порядке необходим ответ на главный вопрос. Так «идем» мы или нет? Проблема непростая. Во-первых, есть и всегда были те, кто действительно не прочь «сходить». Такие умонастроения встречались и среди интеллектуалов, философов (Н. Я. Данилевский). Во-вторых, какие-то факты нашей истории (в том числе недавней) допускают именно такую интерпретацию: «сходили!» (Афганистан). В-третьих, есть традиция именно такого, в «багровых тонах», самоописания. В нашем новейшем гуманитарном знании мотив «русские идут!» господствует в «модерных» научных журналах, передовая наука говорит, что мы именно «идем», и что отсюда все наши беды.

Так что, мы действительно «идем»? Ответ: вспомнив о всех сложностях и зафиксировав их еще раз, твердо и определенно скажем: «Мы никуда не идем!». Примем это пока так, по-сократовски, внутренним голосом (этот внутренний голос тоже есть, исходный посыл автора ролика: «не хочу больше доказывать, что я не верблюд»).

Зафиксируем наш «сократовский» ответ как логику. Основной аргумент простой: кажущаяся очевидной связь большого государства и большой крови является вовсе не очевидной. Во все не обязательно, что существование большого государства является следствием большого кровавого насилия. Возможно иное, и бывает иначе.

***

Проблема «империализма» задает еще один контекст — это эпоха абсолютизма, формирование больших империй. Процесс, превратившийся в своего рода спортивное состязание: чья империя круче? XVI, XVII века — гонка за масштабами. И, похоже, Европа в это время полагала, что в этом соревновании за «первенство» реальных участников всего двое: Англия и Испания. Не получается ли, что «имперскость» России достаточно долго воспринималась как второсортная? Да, ближайшие соседи пережили ряд неприятных сюрпризов, но тем не менее... Да, Россия большая, что-то об этом все знают. Но это колосс на глиняных ногах. Да, у Карла XII не получилось (а ведь попытка была слепить за счет русских земель империю, конкурентоспособную в состязании с Англией). Но все же попытка была так себе, слабенькой. Вопрос: не было ли подобных соображений у Наполеона в 1812-м?

И тогда мы получили еще один рубеж, важнейший для формирования русофобии. 1814 год, Париж. Русские пришли.

До сих пор то, что русские «идут», было экзотикой, мало касавшейся рядового обывателя основной части Европы. Ну, пусть себе расползаются на Восток.

Сибирь вряд ли выглядела интереснее, чем Антарктида или Луна. То ли дело Индия! Это было предметом интересов самой верхушечной части властных элит. Но вот они «пришли». Оставшаяся формула: «казаки в Париже». Настоящих казаков было, вероятно, меньше, чем галантных офицеров, способных кокетничать с дамами на безупречном французском, запомнились казаки. Потому что картинка диких орд, топчущих мостовые Парижа, выразительнее вписывается в мифологему русских, которые «идут».

Итак, начало XIX века, столкновение огромных мощных империй. Но дело не только в этом. Культура. Повседневные практики. Если угодно, ментальность. Языки культуры. Это же самое время — эпоха радикальных метаморфоз, затронувших все сферы культуры. Несколько десятилетий конца XVIII — начала XIX века — эпоха романтизма. Переформатирование традиционных категорий, в которых осмысляется исторический процесс, формирование новых. Интересно прежде всего понятие «народности». «Народность» — «национальная сила»³. Возможность так сказать — очень важный рубеж. До романтизма что-либо подобное невозможно в принципе. До романтики народ не был «лицом», потому что в принципе не был органическим целым. А если народ — именно органически плотно слепленное целое, то «в характере народов» «всегда найдутся известные черты /.../, недоступные ни времени, ни обстоятельствам» (С. П. Шевырѐв, 1829). То есть у каждого народа есть внутри некий порождающий принцип («национальная сила»), который можно сравнить с генетическим кодом (аутентичным романтическим понятием, близким нашему понятию кода, было понятие «начала»). Романтизм формирует своеобразную историософию, где метафоры, почерпнутые из биологии, становятся центральными аналитическими категориями, осями координат мысли.

Вот это и есть решающие предпосылки начавшегося двести лет назад переформатирования русофобии. До этой точки фобия была обращена на государство и его атрибуты (элита, солдаты и т. д.). Начиная с этой точки, она может быть обращена на каждого отдельного русского, на каждое его действие. Это качественно иное состояние русофобии. Только таким образом, приклеиваясь к категории народности, русофобия становится не темой коммуникаций политических элит, а массовым и повсеместным явлением, популярным мотивом массовой журналистики.

Именно это состояние отражено в «Николаевской России» А. де Кюстина.

Прежде всего зафиксируем, что русофобия как мировоззрение и как теория достигает у де Кюстина монументальной полноты. Практически все пункты русофобии как логики у него уже прописаны с исчерпывающей педантичностью. Русские «в основе остаются варварами», «вечные дети, они могут на миг стать победителями в сфере грубой силы, но никогда не будут победителями в области мысли»⁴. «К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием» (С. 183). Поэтому страшно, «я боюсь» (С. 154), «будущее Европы представляется мне в мрачном свете» (С. 186), «нам грозит вечное азиатское иго» (С. 188). Отметим, что наша реконструкция логики русофобии, ее импликаций верна, она работает уже у де Кюстина. «Страшно от этих русских» вытекает уже из самого

факта существования России. Сказать, что в России есть большая армия, мало. Россия вся целиком — «армия завоевателей» (С. 157). «Русский народ /.../ ни к чему не способен, кроме покорения мира» (С. 186). Этой «задней мысли» русские повинуются «бессознательно» (там же). Ну прямо как зомби!

Тут же и теория, которая формируется как жесткая дихотомия. «Либо цивилизованный мир вновь попадет под иго варваров, либо в России вспыхнет революция» (С. 93). Но русской революции для спасения Европы мало. Дальше до боли знакомое сегодняшнее: единственный лучик надежды Европы в том, что судьба России — «распасться на части» (С. 187). Россия слишком большая, она как таковая, независимо от намерений, является угрозой.

Отметим, что логика, «бессознательно» определяющая построения де Кюстина, это еще и квазиромантическая биологическая историософия, где позиция автора комбинируется как сочетание позы историка, склонившегося над источниками, и позы наблюдательного ботаника-зоолога, вглядывающегося в травки и цветочки, как Карл Линней, и в черепа, как Дарвин. Именно так, как вид животных, наблюдает нас де Кюстин, именно как реликтовых черепах вписывает автор «Николаевской России» «русских» во всеобщую матрицу биоисторических метаморфоз. Именно точная «генетическая» экспертиза обеспечивает пафос исходной констатации: «Весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания» (С. 72).

***

И все же в современной русофобии есть качества, которых не было у де Кюстина. Следующий рубеж, создающий новое качество старой фобии, — время того, что мы называем постмодерном. Решающий фактор этого времени для краткости сформулируем так: из экономической теории глобалистика перемещается в массовое сознание, где становится фундаментальным мифом. А идея глобального мироустройства фундаментально держится на теории «открытого общества», отчетливо артикулированной Карлом Поппером. Глобальный мир сможет функционировать только тогда, когда станет «открытым». А открытость предполагает многообразие, а отсюда требование дифференциации социокультурных, экономических, политических пространств. А отсюда требование поделить Россию на части, потому что «большая».

Самый заметный проповедник этой программы — Джордж Сорос, помучившийся с «дифференциацией» «рашки» двадцать лет «по-тихому», уставший и теперь присоединившийся к политике НАТО на Украине, где последний лозунг: «убить как можно больше русских» (генерал Скейлз). Дихотомия жесткая, как у де Кюстина: мир может быть спасен, только обретя тотальную «открытость». Уточним: по Попперу, само по себе слово «открытость» — хорошее слово, следует только отчетливо отделять принцип открытости в стремлении к справедливому мироустройству от идеи «открытого общества». Россия — препятствие на пути к спасению.

Назовем еще один фактор. Идея «открытого общества» не стала бы столь авторитетной, если бы не сработали последствия еще одного процесса: эволюции новоевропейской рациональности. Лишаясь иных источников (традиции,

религия) массовое сознание становится более доверчивым к науке, детски доверчивым. Именно эта детская доверчивость обеспечила победную поступь коммунизма в XIX веке. Ленин ошибался (или лукавил), когда, рассуждая о «составных частях марксизма», назвал только «три источника» и не упомянул позитивизма, ставшего верой, религией как раз ко временам русской моды на коммунизм. Именно это детское доверие — фундамент Утопии. А теория «открытого общества», превращенная в универсальную отмычку, тоже Утопия.

Конечно, тезис о наличии в современном мире повышенной зависимости массового сознания от науки звучит немного странно. Статус серьезного гуманитарного знания падает, а я говорю о повышении его влияния. Противоречие видимое. Востребовано не серьезное гуманитарное знание, востребованы копеечные теории, которые хорошо приклеиваются к доминирующим мифам. Востребовано то, что хорошо превращается в оружие массового поражения, в лозунги на митингах. Хиллари Клинтон, декламирующая пугалки — это не серьезная наука, она вещает как жрица и религиозный пророк. Как ди-джей заводит аудиторию громкой ритмичной музыкой, она вводит истэблшмент в транс дешевыми пугалками. Но она делает это в аудиториях Беркли и Гарварда (300 000 долларов за лекцию по прейскуранту), и Америка принимает это в том числе как серьезную логику.

В точке «детской» моды на фельетонную научность меняется многое, переживает метаморфозу и русофобия. Она приобретает статус научно доказанного факта. А получая теоретическую фиксацию, русофобия становится на порядок мощнее. У де Кюстина теория есть, но она дана между строк, она стыдлива, поэтому и русофобия получается с «дурной совестью» (термин С. С. Аверинцева). У Сороса русофобия сбрасывает с себя ненужный груз стыдливости.

Пафос Клинтон и Сороса именно таков, он твердокаменный — прежде всего в силу опоры на научность. Они не просто говорят «умно», как де Кюстин, они сообщают истину в последней инстанции, научно определенно доказанную. Нет же в самом деле идиота, который посмеет задать вопрос самому Попперу! Статус твердо доказанного научного факта существенно модифицировал русофобию, она из «умонастроения» превратилась в твердую программу, в пункт устава. Русофобия стала чем-то на порядок более жестким и категоричным. Это ее новое качество имеет смысл описать как «тип».

И тогда итоговая матрица вариантов русофобии оказалась состоящей из трех типов. «Первый тип» — это русофобия политических элит, прежде всего соседних с Россией, прежде всего польских. Это соответствует времени от возникновения идеологии «Москва — третий Рим» до Вольтера и де Местра. «Второй тип» — это русофобия «фельетонной эпохи» (словосочетание Германа Гессе), относительно массовая русофобия. Начало проследить трудно, в качестве первого рубежа вполне возможна красивая дата, 1814 год. Второй рубеж — конец СССР. Важное качество: это русофобия с неявным научным статусом, с «латентной научностью». «Третий тип» — это, во-первых, тотально массовая русофобия эпохи массовых коммуникаций; во-вторых, это «научная русофобия», это «эпоха Сороса», 25 лет от начала 1990-х. Пожалуй, следует сделать

уточнение: конечно, на современную русофобию поработал и Ричард Пайпс задолго до Сороса, но типологически он ближе к де Кюстину, чем к Соросу.

***

Историко-культурная типология — не есть нечто отвлеченно-надреальное, это не досужий разговор, неуместный, когда почти пахнет порохом. Именно из такого определения русофобии в основном вытекает и программа возможного противостояния этому вирусу. Пока мы не поняли, что ответить на вызов, на вакханалию русофобии, захватившую «фельетонную цивилизацию». Пока прозвучал только «сократовский» ответ, от «внутреннего голоса». Этот ответ надо перевести на современный, и сразу понятно уточнение: коль скоро «третий тип» жестко приклеен к современным гуманитарным программам, то и ответ должен прозвучать именно на этой территории. Если этого не сделать, диалог останется в пределах перетягивания каната, где движение вперед невозможно. И еще уточнение. Общий контур научного, логического ответа понятен, он уже звучал: существование большого государства не есть нечто непременно гибельное для цивилизации. И может возникнуть иллюзия, что другой логики и не надо, дальше нужно только привести в доказательство факты.

Так вот это именно иллюзия. Только лишь с фактами мы к диалогу не приблизимся. Оптика современной научности устроена так, что факты не помогут⁵. Примерно так же, как оптика русофобии не позволяет западному истэблшменту видеть факты о конфликте в Донбассе. И тогда придется разбираться с самой оптикой. Нужна деконструкция «модерной» гуманитаристики, прежде всего так называемого «дискурса имперскости», который и обеспечивает больше чем наполовину пафос научности русофобии. Разобрав, нужно реконструировать ядро логики, там найти «слабое звено», которое, возможно, укажет на точки максимума абсурда. Логика. Вокруг логики диалог пока еще возможен.

Омск

Примечания:

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. Л., 1984. — С. 148.

² Там же.

³ Там же, с. 147.

⁴ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990.

⁵ Абсурдность ситуации, когда на научном языке может транслироваться только русофобия, а русофилия может существовать лишь за пределами «модерной» гуманитаристики (в том числе в России! прежде всего в России!), мы оставляем пока без обсуждения.

ФУНДАМЕНТ НЕПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

К юбилею Декларации независимости Латвии

Виктор ГУЩИН

Латвия нуждается в дезинфекции...

16 марта 2015 года в Риге стояла солнечная погода. Когда закончилось шествие бывших легионеров Waffen SS и их современных последователей, началось согласованное с Рижской думой мероприятие Латвийского антифашистского комитета. Внутри полицейского оцепления зашли около 20 антифашистов. Они были одеты в защитные одноразовые костюмы, которые используются при проведении дезинфекционных работ, с надписью DEZINFĒKCIJA. В руках антифашисты держали ведра, щетки и баллоны со спецраствором. Антифашисты провели символическую уборку и дезинфекцию площади перед Памятником свободы, как бы очистив ее от идеологии нацизма, которую пропагандировали участники шествия легионеров менее получаса назад. А затем установили на подставке перед памятником Свободы венок с траурной лентой, на которой на латышском и английском языках было написано «Памяти жертв нацизма».

4 мая исполняется 25 лет со дня принятия Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики. Декларация была принята 4 мая 1990 года на первой сессии Верховного Совета Латвийской ССР, избранного на состоявшихся 18 марта 1990 года последних в новейшей истории Латвии всеобщих выборах. Декларация 4 мая заложила фундамент и определяет политическое строительство Латвийского государства до сегодняшнего дня.

Как готовилась Декларация независимости? Какой в подготовке Декларации была роль представителей Объединения свободных латышей мира — эмигрантской организации, в руководстве которой определяющую роль играли идеологические наследники этнократического режима Карлиса Ульманиса и нацистского коллаборационизма периода гитлеровской оккупации Латвии (1941–1945)? Как принималась Декларация независимости? Почему оппозиция решила не голосовать за этот документ? Какой была реакция международного сообщества на принятие Декларации независимости? Наконец, каковы политические последствия той идеологии, которая была положена в основу принятой Декларации? В год 25-летнего юбилея Декларации обо всем этом уместно вспомнить.

НАЧАЛО РАБОТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

3 мая 1990 года свою работу начала первая сессия Верховного Совета. В начале работы сессии были избраны руководящие органы Верховного Совета, а затем депутаты утвердили состав нового Совета Министров.

Председателем Верховного Совета был избран Анатолий Горбунов, ранее секретарь ЦК Компартии Латвии по идеологии и председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Первым заместителем председателя Верховного Совета стал председатель Думы Народного Фронта Латвии (НФЛ) Дайнис Иванс (в недавнем прошлом журналист), заместителем — входящий в руководство радикального Движения за национальную независимость Латвии (ДННЛ) Андрейс Крастиньш. Секретарем Верховного Совета был избран Имантс Даудиш, до того — секретарь Рижского горкома Компартии Латвии по идеологии, а затем — секретарь Президиума Верховного Совета ЛССР.

Первым премьером стал преподаватель физики Латвийского государственного университета и один из руководителей НФЛ Иварс Годманис. Большинству он впоследствии запомнился не тем, что был первым премьером, а тем, что в бытность его премьерства вполне серьезно обсуждался вопрос о не-

---

*ГУЩИН Виктор Иванович,
координатор Совета общественных организаций Латвии,
директор Балтийского центра исторических и социально-политических
исследований, кандидат исторических наук*

обходимости использования для отопления домов знаменитых с революции 1917 года в России «буржук», потому что денег на закупку мазута для системы центрального отопления не было.

Экономическое положение страны в этот период было очень трудным. Галопировала инфляция, деньги быстро обесценивались. Будущее страны казалось неясным.

ОПАСЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ

Но не только экономические трудности волновали людей. Многие русскоязычные жители республики с тревогой в это время наблюдали за тем, как в стране «одних захлестывают эмоции, других сковывает страх, третьи вообще не понимают реалий», как в обществе начинают торжествовать «силы социального реванша, сторонники апартеида», «выдавливанию нелатышей из Латвии, развала экономики», как «возникает новая монополия на мысли и взгляды», как «снова витает в воздухе лозунг: «Кто не с нами, тот против нас»; наконец, как новые Президиум Верховного Совета и правительство республики стали практически мононациональными и не отражают хоть в какой-то разумной пропорции национальную структуру общества и как «за голубым фасадом демократии рождается серая власть в лице заурядных, но удобных (кому?) людей, неспособных решать глобальные и очень важные проблемы нарождающегося нового общества», в результате чего эти люди могут привести Латвию не к демократии, а в омут нового тоталитаризма¹.

Многие русскоязычные жители ясно видели, что «в той игре, которая начиналась, интересы нелатышского населения, приехавшего в Латвию после 17 июня 1940 года, явно не учитывались»².

Наибольшую тревогу вызывал вопрос гражданства. Лидер Народного фронта Латвии Дайнис Иванс и председатель Совета министров Иварс Годманис, отвечая на вопросы депутатов, представлявших русскоязычное население республики, в мае 1990 года подчеркивали, что они выступают за то, чтобы гражданство было у всех постоянных жителей Латвии, кто этого захочет, то есть фактически за «нулевой вариант». «Что же касается председателя Верховного Совета Латвии Анатолия Горбунова, то его кредо, как известно, всегда заключалось в обязательстве не делить жителей Латвии на своих и чужих»³.

Однако принятая 4 мая 1990 года Декларация «О восстановлении независимости Латвийской Республики» заложила основы иной, прямо противоположной тенденции политического развития Латвийского государства.

КАК ГОТОВИЛАСЬ ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Еще 15 февраля 1990 года Верховный Совет Латвийской ССР принял постановление «О декларации по вопросу о государственной независимости Латвии». Пункт 3 этого постановления гласил: «Верховный Совет Латвийской ССР поручает Президиуму Верховного Совета Латвийской ССР образовать комиссию с широким представительством ученых и специалистов народного хозяйства для квалифицированной и оперативной подготовки мер (включая

проведение референдума) по восстановлению экономической и политической независимости Латвии... Вся работа комиссии осуществить демократично, гласно, с широкой информацией общественности, жителей республики и совета с ними».

Комиссия для разработки мер по восстановлению политической и экономической независимости Латвии была утверждена Постановлением Верховного Совета ЛССР 1 марта 1990 года в составе 50 человек. В комиссию вошли: первый секретарь ЦК Компартии Латвии Янис Вагрис, Председатель Верховного Совета республики Анатолий Горбунов, члены правительства, советские, партийные и профсоюзные работники, работники суда, правоохранительных органов, прессы, науки, культуры, медицины, руководители промышленности и сельского хозяйства, народные депутаты, рабочие, ветераны войны и труда. Однако никакой информации о работе этой комиссии опубликовано в дальнейшем не было. Судя по всему, комиссия так и не приступила к работе, так как фактическое руководство по подготовке основных положений текста Декларации перехватило эмигрантское Объединение свободных латышей мира (ОСЛМ), главную роль в котором играли идеологические наследники этнократического режима Карлиса Ульманиса и нацистского коллаборационизма периода гитлеровской оккупации Латвии (1941–1945).

7 апреля в Лондон на переговоры с руководством ОСЛМ прибыла делегация Латвии. Главой делегации был Иварс Годманис, который выступал в роли кандидата в премьеры нового правительства. Вместе с ним прибыли Александрс Кирштейнс (как будущий министр иностранных дел) и депутат Верховного Совета Янис Юрканс, который выполнял роль переводчика. Главным вопросом на переговорах была разработка Декларации о восстановлении независимой Латвии. Руководство ОСЛМ настаивало на такой Декларации, которая объявила бы всему миру о восстановлении Латвийской Республики 1918 года, а также о том, что весь период существования Латвийской ССР с 1940 по 1990 год был ничем иным, как периодом оккупации со стороны Советского Союза, нацистской Германии и опять Советского Союза продолжавшей существовать де-юре независимой Латвийской Республики⁴.

Из Лондона в Ригу для оказания практической помощи в подготовке текста именно такой Декларации ОСЛМ направило трех советников. Это были: Аристид Ламбергс, который родился в 1934 году в Елгаве, а после эмиграции долгое время жил в США, где получил образование в Бостонской военной академии; Янис Ритенис, который в разработке текста Декларации фактически не участвовал; и родившийся в 1955 году в Риге Эгилс Левитс, который вместе с родителями эмигрировал из Советской Латвии в Израиль, а затем поселился в Германии, где в 1982 году окончил юридический факультет Гамбургского университета⁵.

В латвийскую команду вошли: доцент юридического факультета Латвийского университета, специалист по вопросам международного права Роман Апситис (он же и возглавил общую рабочую группу), известные юристы Юрис Боярс и Андрис Плотниекс и два малоизвестных юриста. Это Андрейс Крастыньш,

1951 года рождения, выпускник юридического факультета Латвийского государственного университета, который работал следователем МВД в Риге, затем начальником следственного отдела Отдела внутренних дел города Юрмалы, затем начальником отдела по реализации лотерейных билетов «Спортлото», а с 1982 года — членом Латвийской коллегии присяжных адвокатов, и Вилнис Эглайс (вскоре скончавшийся)⁶.

Среди тех, кто писал и редактировал текст Декларации, была и юрист Рута Шац-Марьяш. «Меня как профессионала заинтересовала и увлекла процедура составления этого уникального правового документа, — вспоминала она позднее. — Я внимательно следила за ходом его создания, мысленно представляя его звучание на русском языке, понятном широкому кругу населения Латвии. Параллельно с латышским текстом мною создавалась его русская редакция. Это было непросто: надо было обеспечить точный перевод очень специфической, непривычной терминологии, полное совпадение, идентичность не только буквы, но и смысла этого не имеющего аналогов правового акта. Мы собирались в здании университета сначала в одной из его аудиторий, затем в помещении парткома у Айвара Эндзиньша. Возникал вариант за вариантом, текст декларации детально, по каждому пункту в отдельности, обсуждался затем на заседании фракции»⁷.

Единства в объединенной рабочей группе никогда не было, постоянно велись острые дискуссии. Опытные юристы Боярс и Плотникс предлагали образовать современное демократическое государство, без указания правовой преемственности новой Латвии с Латвией довоенной. Однако Крастыньш, Аписитис и Эглайс вместе с латышами из ОСЛМ добились утверждения такого текста Декларации, который устраивал руководство ОСЛМ. Как ни странно, с этим решением согласился и председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР Анатолий Горбунов⁸.

ПРИНЯТИЕ ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ

4 мая 1990 года Верховный Совет Латвийской Советской Социалистической Республики принял Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики. Из 201 депутата за нее проголосовали 138, один воздержался. Голосовали бюллетенями, затем счетная комиссия объявила с трибуны все бюллетени, называя номер избирательного округа и фамилию депутата. Каждый, кто проголосовал за Декларацию, подтверждал это вслух со своего места. Все происходившее транслировалось по радио и телевидению. «Толпы народа, в напряженном ожидании окружавшие в тот день здание парламента, встретили это событие с восторгом, люди плакали от счастья, обнимали друг друга, громко приветствовали своих избранных, преподносили им цветы. Я понимала эмоции этих людей, была глубоко тронута, испытывала огромное удовлетворение, чувство исполненного долга», — вспоминает Рута Шац-Марьяш⁹.

В принятой Декларации объявлялось о восстановлении Латвийской Республики 1918 года. Одновременно отрицались внутривнутриполитические причины

перемен 1940 года, а выборы в Народный Сейм 14 и 15 июля 1940 года оценивались как проходившие «в оккупированной Латвии в условиях политического террора на основе противозаконно принятого антиконституционного закона». Результаты голосования 14 и 15 июля объявлялись фальсифицированными, а избранный на их основе Народный Сейм — противозаконным, образованным «в результате обмана народа» и потому не являвшимся «выразителем суверенной воли народа». Этот Народный Сейм, подчеркивалось в Декларации, «не обладал конституционным правом решать вопрос об изменении государственного устройства и ликвидации суверенитета Латвийского государства», так как «эти вопросы был вправе решать лишь народ, однако свободное всенародное голосование проведено не было». На основании этого делался вывод, что «включение Латвийской Республики в состав Советского Союза с точки зрения международного права не имеет силы, и Латвийская Республика как субъект международного права существует *de jure* до настоящего времени, что признают более 50 государств мира».

«Исходя из принятых Верховным Советом Латвийской ССР 28 июля 1989 года «Декларации о государственном суверенитете Латвии» и 15 февраля 1990 года «Декларации по вопросу государственной независимости Латвии», а также принимая во внимание Обращение Вселатвийского собрания народных депутатов от 21 апреля 1990 года, учитывая определенно выраженную волю населения Латвии, отдавшего большинство голосов тем народным депутатам, которые в своей предвыборной программе выразили решимость восстановить государственную независимость Латвийской Республики, и встав на путь восстановления свободной, демократической и независимой Латвийской Республики *de facto*, Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики объявляла Декларацию Народного Сейма от 21 июля 1940 года «О вступлении Латвии в Союз Советских Социалистических Республик» не имеющей законной силы с момента ее принятия и заявляла о возобновлении действия принятой Учредительным собранием 15 февраля 1922 года Конституции Латвийской Республики на всей территории Латвии. Период до восстановления государственной власти Латвийской Республики *de facto* объявлялся переходным. Этот период должен был завершиться с избранием Сейма Латвийской Республики¹⁰.

Сформулированная в Декларации оценка событий 1940 года в Латвии, по сути, повторяла позицию как радикальной части западной латышской эмиграции, так и местных национал-радикальных политиков, в первую очередь представляющих Конгресс граждан и Движение за национальную независимость Латвии. И тот факт, что Верховный Совет, большинство депутатов которого было избрано по спискам Народного Фронта Латвии, поддержал эту концепцию истории Латвии, свидетельствовал о том, что уже в это время Народный Фронт Латвии в идеологическом плане фактически объединился с Конгрессом граждан и ДННЛ. Пройдет еще всего лишь пять месяцев, и Народный Фронт Латвии на своем 3-м конгрессе, состоявшемся в октябре 1990 года, уже открыто поддержит политическую линию Конгресса граждан на строительство

тоталитарного государства — так называемой «латышской Латвии», или «Латвии для латышей».

Кроме того, опирающееся на принятые странами Запада в послевоенные годы многочисленные политические декларации утверждение, что «включение Латвийской Республики в состав Советского Союза, с точки зрения международного права, не имеет силы, и Латвийская Республика как субъект международного права существует *de jure* до настоящего времени, что признают более 50 государств мира», на самом деле не имеет никакого отношения к международному праву, поскольку любая политическая декларация — это всего лишь политическое заявление, а не юридически обязывающий для международного сообщества документ. Эти заявления нельзя рассматривать как нормы международного права, к каковым могут быть отнесены межгосударственные соглашения и договоры, подписанные официальными представителями государств и затем ратифицированные законодательными органами власти в этих государствах. К таким юридически обязывающим нормам международного права относятся, например, решения состоявшейся в апреле 1945 года в Сан-Франциско (США) конференции о создании Организации Объединенных Наций и принятии ее Устава. Если бы Латвийская Республика как субъект международного права продолжала существовать после 1940 года, то она должна бы быть в списке стран — учредителей ООН, но ее почему-то в этом списке нет. К юридически обязывающим нормам международного права относится также Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который 1 августа 1975 года подписали представители 33 государств Европы, США и Канады. В этом документе, напомним, международное сообщество признало границы государств, которые сложились в Европе после окончания Второй мировой войны. В том числе и границы СССР. Но опять же якобы продолжающая существовать *де-юре* Латвийская Республика почему-то вновь отсутствует в перечне стран — субъектов международного права, которые поставили свою подпись под Хельсинкским Заключительным актом. Здесь следует также указать, что после перемен 1940 года, приведших к вхождению бывшей Латвийской Республики в состав СССР на правах одной из союзных республик, за пределами СССР никогда не было создано правительство Латвийской Республики в изгнании, которое представляло бы якобы оккупированную Латвийскую Республику и от имени которого совершались бы какие-то действия, признаваемые международным сообществом. Так что попытка обосновать в тексте Декларации утверждение, что Латвийское государство после 1940 года продолжало существовать как субъект международного права, на самом деле никакого отношения к международному праву не имеет. Это всего лишь очередное политическое заявление, которое никак не может рассматриваться в качестве обязательной для других стран нормы международного права.

Наконец, ссылка в тексте Декларации на Обращение Вселатвийского собрания народных депутатов от 21 апреля 1990 года, а также ссылка на «определенно выраженную волю населения Латвии, отдавшего большинство голосов тем народным депутатам, которые в своей предвыборной программе выра-

зили решимость восстановить государственную независимость Латвийской Республики», не могли служить конституционным основанием для принятия решения о выходе Латвии из состава СССР. Таким конституционным основанием могли служить только итоги референдума, о необходимости проведения которого, напомним, говорилось в постановлении «О декларации по вопросу о государственной независимости Латвии», принятом Верховным Советом ЛССР 15 февраля 1990 года. Однако руководство Народного фронта Латвии, одержавшего победу на выборах Верховного Совета 18 марта, из опасения не получить убедительное большинство голосов на референдуме от его проведения отказалось, чем поставило под сомнение законность принятой 4 мая Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики.

57 депутатов фракции «Равноправие» и один из лидеров Интерфронта депутат Алексеев, объявивший себя «независимым», как пишет Рута Шац-Марьяш, «после длительных и настойчивых попыток сорвать принятие Декларации о восстановлении независимости»¹¹ участия в голосовании не принимали. **Альфред Рубикс потребовал предварительного проведения всенародного референдума по вопросу о независимости, то есть как раз того, отсутствие чего позволило авторам Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики говорить о незаконности перемен в 1940 году** (Выделено мной. — В.Г.). Депутат Леонид Курдюмов заявил, что избиратели не уполномочили их участвовать в этом голосовании. В знак протеста все они покинули зал. «Таким образом, в этот исторический для народа Латвии день депутаты, претендовавшие на роль единственных представителей нелатышской части населения, продемонстрировали враждебность идее восстановления государственной независимости Латвии», — считает Р. Шац-Марьяш¹².

Бывший депутат Верховного Совета Олег Щипцов в своей книге «Записки депутата. Три года в парламенте Латвии. 1990–1993» (Рига, 1994) поведение депутатов фракции «Равноправие» описывает иначе. «Фракция «Равноправие» заранее подготовилась к выражению своего мнения. Принципиально против независимости мы не могли и не хотели голосовать хотя бы потому, что народ имеет право на самоопределение. Правда, в этом случае необходим референдум. С другой стороны, выразив с трибуны свою точку зрения, мы не могли воздержаться при голосовании, так как это практически показывало бы некую неопределенность, колебание (кстати, по регламенту, при принятии документа голоса «против» суммируются с голосами «воздержался»). Поэтому оставался один выход: не нажимать кнопки, то есть не участвовать в голосовании, не мешать законному или незаконному ходу процесса. Во всяком случае, никто потом не сможет сказать, что ты голосовал «против» Декларации», — отмечает О. Щипцов¹³.

Иными словами, Рута Шац-Марьяш ошибается, когда пишет, что депутаты фракции «Равноправие» при голосовании Декларации в знак протеста покинули зал заседаний. Это не так. Фракция оставалась в зале заседаний Верховного Совета, но не принимала участия в голосовании. Не было и демонстрации враждебности идее восстановления государственной независимости Латвии.

Позиция, в частности О. Щипцова, была следующей: «Нельзя было принимать участие в эмоциональном спектакле, в финале которого со щитом будут самые консервативные силы НФЛ, восторжествует политика «выдавливания» нелатышей из Латвии, развала экономики»¹⁴. «Для меня тогда и сейчас было ясно, что 4 мая 1990 года был сделан шаг, который приведет не только к развалу Советского Союза, но и к режиму апартеида для нелатышей», — указывал он в 1994 году¹⁵.

КОМПАРТИЯ ЛАТВИИ: ДЕКЛАРАЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ОТМЕНЕНА

Компартия Латвии на платформе КПСС (компартия Рубикса) свое отношение к Декларации «О восстановлении независимости Латвийской Республики» выразила сразу после 4 мая. И это отношение было резко отрицательным. Компартия заявила о незаконности этого документа и потребовала его отмены. Обоснование: Декларация 4 мая 1990 года «О восстановлении независимости Латвийской Республики» была принята вопреки действующим Конституции Латвийской ССР и Конституции СССР, которые предусматривали необходимость проведения референдума при решении вопроса о выходе республики из состава СССР.

Спустя полгода, на состоявшемся в декабре 1990 года XXV съезде компартии, тема оценки Декларации еще раз прозвучала в докладе секретаря ЦК Компартии Латвии К.-Г. К. Геркиса «Об историческом пути Компартии Латвии». Этот доклад подготовила специальная комиссия по политической оценке исторического пути Компартии Латвии, решение о создании которой было принято на первом заседании съезда.

Отметив, что после 4 мая компартия неоднократно заявляла о своем требовании отменить Декларацию Верховного Совета Латвии «О восстановлении независимости Латвийской Республики», К.-Г. К. Геркис указал на ряд исторических умолчаний в тексте Декларации и заявил о несогласии ЦК КПЛ с высказанным в ней тезисом о правовой преемственности Латвии после 4 мая 1990 года с Латвией до 17 июня 1940 года.

«В Декларации Верховного Совета утверждается, что независимое Латвийское государство было провозглашено 18 ноября 1918 года. Но при этом игнорируется тот факт, что этот вопрос был решен в период оккупации Латвии Германией. Сознательно умалчивается в Декларации и то, что после освобождения в декабре 1918 года Латвии от немецкой оккупации почти на всей ее территории была восстановлена Советская власть, провозглашена Социалистическая Советская Республика Латвии, которая просуществовала более года», — сказал с трибуны съезда К.-Г. К. Геркис.

«Декларация от 4 мая 1990 года, — продолжал секретарь ЦК Компартии Латвии, — объявляет Декларацию Сейма Латвии от 21 июля 1940 года «О вступлении Латвии в Союз Советских Социалистических Республик» не имеющей законной силы с момента ее принятия, и исходя из этого (объявляет) что нахождение Латвии в составе СССР все эти годы являлось противоправным, провозглашает возобновление действия Конституции Латвийской Республики

1922 года, устанавливает, что отношения между Латвийской Республикой и СССР строятся на основе Договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 года».

Но «вопреки требованиям статьи 5 Конституции Латвийской ССР о том, что наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум), по кардинальному вопросу о статусе республики референдум не проводился. В то же время в Декларации от 4 мая 1990 года высказывается претензия, что в 1940 году вопрос об изменении государственного устройства Латвии должен был решать лишь народ на референдуме, а не Сейм».

К.-Г. К. Геркис заявил о незаконности содержащегося в Декларации утверждения о сохранении по настоящее время юридической силы Конституции Латвийской Республики 1922 года. Принятие каждой из Конституций Латвийской ССР после 1940 года означало и юридическую, и фактическую отмену предыдущей. «В связи с этим юридически несостоятельны положения Декларации о возобновлении действия Конституции Латвийской Республики 1922 года», — подчеркнул он.

«Что касается правовых основ отношений между Союзом ССР и Латвийской ССР в настоящее время, то ими являются положения не международно-правового акта — мирного договора между Россией и Латвией от 11 августа 1920 года, как утверждает Декларация, а установление Конституции СССР, Конституции Латвийской ССР и советских законов.

Некорректно в качестве аргумента при решении вопросов в 1990 году выдвигать мирный договор между Россией и Латвией от 11 августа 1920 года. Известно, что в 1920 году Советская Россия находилась в кольце военной и экономической блокады. Именно в таких вынужденных условиях Советская Россия пошла на заключение этого договора».

В заключение доклада К.-Г. К. Геркис еще раз заявил о позиции ЦК Компартии Латвии: «Декларация Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики» не имеет юридической силы, является недействительной»¹⁶.

ДЕКЛАРАЦИЯ И РЕАКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Реакция международного сообщества на принятую Верховным Советом 4 мая Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики» была настороженно-выжидательной. Ни одно государство мира не заявило о том, что принятая Декларация влечет за собой для Латвии правовые последствия в плане обретения ею государственной независимости *de facto* и *de jure*.

Что же касается позиции США, то президент Джордж Буш-старший долгое время ничего и слышать не хотел о независимости балтийских республик. Когда в декабре 1989 года на Мальте состоялась встреча Михаила Горбачёва и Джорджа Буша-старшего, президенты договорились, что США не будут создавать лишних трудностей Советскому Союзу в балтийском вопросе, а СССР

не допустит насильственного вмешательства в развитие событий в странах Балтии. И это все. О независимости стран Балтии речи не было.

Примечательно, что реакцией ФРГ и Франции на литовскую Декларацию независимости, принятую в марте того же 1990 года, стало совместное письмо канцлера ФРГ Гельмута Коля и президента Франции Франсуа Миттерана председателю Верховного совета Литвы Витаутасу Ландсбергису с просьбой приостановить действие декларации и вступить в диалог с руководством СССР¹⁷.

И латвийская «Декларация о независимости ни в глазах Москвы, ни многих стран Запада не была легальным документом», спустя пятнадцать лет признала Сандра Калниете, одна из основателей НФЛ, исполнительный секретарь НФЛ, а затем дипломат и министр иностранных дел Латвийской Республики¹⁸.

Естественно, что такая реакция международного сообщества на Декларацию о независимости не могла не вызвать разочарования у активистов Атмоды. «В Латвии после принятия Декларации все продолжалось по-старому. Наступила рутина. Это было смертельно для таких революционеров, как мы, энтузиасты Атмоды», — вспоминала позднее Элита Вейдемане, бывший редактор главного печатного органа НФЛ газеты «Атмода»¹⁹.

ФУНДАМЕНТ НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И НЕПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Если бы Советский Союз продолжил существовать после 1991 года, то Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики так и осталась бы для других стран не более чем очередным политическим заявлением, на которое не стоит обращать никакого внимания. Но август 1991 года все изменил. Независимость Латвии признало международное сообщество, и это для новой латвийской политической элиты, но опять же вовсе не для международного сообщества, позволило теперь рассматривать принятый 4 мая 1990 года документ как политико-правовой фундамент для строительства Латвийского государства. Новая политическая элита, к этому времени полностью уже принявшая реваншистскую идеологию радикальной части западной латышской эмиграции, стала утверждать, что признание международным сообществом независимости Латвии одновременно якобы подтверждает и факт признания тем же международным сообществом 50-летнего периода оккупации Латвии со стороны СССР. А это, в свою очередь, позволяет новой политической элите Латвии выдвигать требования о деоккупации и деколонизации и принимать соответствующие духу этих требований законы о гражданстве, о языке, об образовании и др.

Уже 15 октября 1991 года избранный всеми жителями страны Верховный Совет лишает политических прав более чем треть своих собственных избирателей. После этого принимаются новые законы о языке и об образовании, которые, вместе с законом о гражданстве, по сути, закладывают фундамент для строительства так называемой «латышской Латвии». Все эти законы нацелены на то, чтобы или выдавить национальные меньшинства из страны, или подвергнуть их насильственной ассимиляции в рамках реализации курса

на строительство пресловутой «латышской Латвии». Одновременно с принятием упомянутых законов начинается активная кампания по переписыванию истории Латвии, главной целью которой является политическая реабилитация авторитарного и этнократического режима Карлиса Ульманиса и нацистских коллаборационистов периода гитлеровской оккупации Латвии в 1941–1945 годах. Проведение этой кампании полностью отвечает интересам радикальной части западной латышской эмиграции, поскольку многие ее представители сначала верой и правдой служили авторитарному режиму Карлиса Ульманиса, а в период нацистской оккупации — гитлеровской Германии. Поразительно, но и решения судебной системы теперь основываются не на юридических нормах, а на политических заявлениях о 50-летней оккупации Латвии. В результате всей этой политики в сфере законодательства, истории и судебной практики Латвийское государство быстрыми темпами начинает строиться как этнократическое и неонацистское. Основа государственной идеологии этого строительства была сформулирована именно в Декларации о восстановлении независимости Латвии от 4 мая 1990 года, и это позволяет утверждать, что данную Декларацию правильно рассматривать как политический фундамент для строительства недемократического и неправового современного Латвийского государства.

Рига

Примечания:

- ¹ Щипцов О. Записки депутата (Три года в парламенте Латвии: 1990–1993). — Рига, 1994. С. 93, 96–97, 110, 115.
- ² Там же. С. 121.
- ³ Михаил Демуринов о после Латвии в России: «Поздравляю вас, граждане, сограждане!» 13.07.2005 <http://www.regnum.ru/news/polit/483969.html#ixzz3U92SsRP6>
- ⁴ Любимов Л. Атмода со слезами на глазах. Хроника безвременья. — Рига, 2002. С. 36–37.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Шац-Марьяш Р. Калейдоскоп моей памяти. — Рига, Acis, 2003 год. — С. 334.
- ⁸ Любимов Л. Атмода со слезами на глазах. Хроника безвременья. — Рига, 2002. — С. 36–37.
- ⁹ Шац-Марьяш Р. Указ. соч. С. 335.
- ¹⁰ Latvijas Padomju Socialistiskas Republikas Augstakas Padomes Deklaracija par Latvijas Republikas neatkaribas atjaunosanu. — Latvijas Republikas Augstaka Padome. 1991. — LR AP Kanceleja. Latvijas Enciklopediju redakcija. — Riga, 1991, lpp. 5–8.
- ¹¹ Шац-Марьяш Р. Указ. соч. С. 336.
- ¹² Там же. С. 336.
- ¹³ Щипцов О. Записки депутата. Три года в парламенте Латвии. 1990–1993. — Рига, 1994. — С. 93.
- ¹⁴ Там же. С. 93.
- ¹⁵ Там же. С. 91.
- ¹⁶ Об историческом пути Компартии Латвии. Доклад секретаря ЦК Компартии Латвии К.-Г. К. Геркиса. — «Советская Латвия», 5 декабря 1990 года.
- ¹⁷ Портнягина М. Д. Позиция международного сообщества по вопросу «восстановления» независимости Балтийских республик. — «Балтийский регион», 2012, № 2, с. 121.
- ¹⁸ Калниете С. Начало Народного фронта и единение движений за независимость. В кн.: Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Составитель Янис Шкапарс. — Рига, 2006. — С. 170.
- ¹⁹ Вейдемане Э. 4 мая — краеугольный камень новой Латвии. В кн.: Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Составитель Янис Шкапарс. — Рига, 2006. — С. 193.

ВЛАСТЬ И МОРАЛЬ

Сергей ЧУПИН

Вправе ли мы говорить о врожденной и полной несовместимости власти и морали? Или, быть может, это не более чем распространенное заблуждение, которое возникает оттого, что власть, в силу своего положения, вынуждена призывать к соблюдению моральных норм и напоминать о необходимости соблюдения внутреннего нравственного закона. Ведь не может власть, и в самом деле, опираться только на силу принуждения и на репрессивный аппарат, чтобы обеспечить нормальную работу государственного механизма. В то же время тот, кто призывает к соблюдению моральных норм, уже становится заложником своего положения. Он должен быть лучше, честнее и справедливее. В таком случае мы требуем от власти невозможного. И тогда она начинает лицемерить, вызывая к ней неприязнь и недоверие, тем самым давая нам полное право обвинить ее во лжи и с полной уверенностью заявить о том, что власть аморальна по своей природе.

---

*ЧУПИН Сергей Павлович,
начальник отдела Свердловского отделения Уральского банка
ОАО «Сбербанк России»*

*«Философу, как и поэту, мораль
не должна заслонять истину».*

А. Шопенгауэр

О СОВМЕСТИМОСТИ ПОНЯТИЙ

Власть и мораль. Может быть, власть **или** мораль?

Этот вопрос звучит еще со времен Платона, который мечтал построить на побережье южной Италии идеальное государство, в котором коллизия между властью и моралью исчезла бы навсегда.

Как сочетаются правила власти и законы морали? Где проходит граница «дозволенного»? И отчего то, что понимается властью как неизбежность и практичность, воспринимается нами как цинизм и аморальность? С другой стороны, что происходит, когда власть решается править с высоты морального императива, когда именно власть, а не философия и церковь, ставит перед обществом определенную моральную цель?

Эти вопросы задают себе и те, кто открывает книгу Н. Макиавелли «Государь». При этом многие читатели совершенно равнодушны к истории Флоренции начала XVI века, их не трогает ни судьба автора, ни его взаимоотношения с семьей герцогов Медичи, но, тем не менее, вот уже пятое столетие эта книга находится в списке самых популярных произведений мира.

Примерно в это же время Т. Гоббс пишет свой знаменитый «Левиафан», в котором высказываются схожие с флорентийским автором мысли, но, высказанные не столь откровенно, они не навлекли на него впоследствии столько упреков в пренебрежении нравственными законами.

И если для Платона только то государство достойно выживания, которое соответствует высоким моральным принципам, то для Макиавелли, Гоббса, а впоследствии Гегеля, К. Леонтьева и многих других исследователей феномена власти, государство само по себе является высшей целью, которая оправдывает действия, направленные на его выживание.

В конце концов, им, как докторам, следящим за состоянием пациента, в первую очередь было важно состояние здоровья государства, а не средства, которые необходимо применить для его лечения, в то время как Платона лишь раздражал шум афинской агоры, на которой обычно проводились городские собрания, он мешал его мечтам.

Все мы: идеалисты и реалисты, непримиримые моралисты и практики — живем в обществе, которое накладывает запреты, ограничивает свободу, требует от нас исполнения определенных действий.

Требуется общество или власть от его имени? И если власть, тогда какое она имеет на это право? Где границы этого права и существует ли для власти какое-то «особое право» и мораль, которые ей позволяют преступить то, что не позволено преступить никому из нас?

Вправе ли мы говорить о врожденной и полной несовместимости власти и морали? Или, быть может, это не более чем распространенное заблуждение, которое возникает оттого, что власть, в силу своего положения, вынуждена призывать к соблюдению моральных норм и напоминать о необходимости соблюдения внутреннего нравственного закона. Ведь не может власть, и в са-

мом деле, опираться только на силу принуждения и на репрессивный аппарат, чтобы обеспечить нормальную работу государственного механизма, как не может любая власть — учителя, чиновника, офицера — опираться только на окрики и угрозы.

В то же время тот, кто призывает к соблюдению моральных норм, уже становится заложником своего положения. Он должен быть лучше, честнее и справедливее. И, кроме того, он всегда на виду, как и его промахи (не забудем и об амбициях, и ежедневных соблазнах).

В таком случае мы явно требуем от власти невозможного. И тогда она начинает лицемерить, вызывая к ней неприязнь и недоверие, тем самым давая нам полное право обвинить ее во лжи и с полной уверенностью заявить о том, что власть аморальна по своей природе.

Этот упрек был брошен и Макиавелли многими из его читателей, которые несколько упрощенно считали, что в «Государе» автор оправдывает власть в отсутствие у нее моральных принципов. Между тем Макиавелли говорил лишь о том, что власть, как и всякое явление жизни, должна подчиняться определенным законам для того, чтобы быть успешной.

Эти законы политической игры он и описал в своей работе, повторив тот путь открытия нового знания, по которому идут все исследователи. Он открыто заявил о том, что принято было скрывать и замалчивать и о чем должна была «знать» любая власть, чтобы избежать своей неизбежной гибели. Вновь подняв вопрос о соотношении власти и морали, он справедливо полагал, что эти области не всегда совпадают и что авторитет власти не может и не должен совпадать с нравственным императивом (моралью).

Этот нравственный императив всегда выражают философия и церковь, которые могут только убеждать и даже настаивать, но внутренний выбор в его пользу должен сделать для себя сам человек.

Государство, напротив, управляет и приказывает, его воля должна воплотиться в конкретное действие. Поэтому когда оно обращается к морали, оно точно так же превращает ее в нечто вполне определенное: законы или идеологию. Тем самым государство подгоняет бесконечное разнообразие человеческих мнений, ситуаций и взаимоотношений под один узкий шаблон, следовать которому мы обязаны под угрозой принуждения.

Так возникает вечный антагонизм между государством (обществом) и свободной волей индивида, между властью и моралью.

Но что происходило тогда, когда в силу различных исторических причин граница между властью и моралью стиралась, когда власть сливалась с моралью в одно неразрывное целое? Во что превращается власть, и что остается от морали?

Начиная с древнегреческого тирана Дионисия в южной Италии, который увлекся идеями Платона о создании идеального государства под управлением правителей-философов на основе безусловного выполнения этических принципов, и заканчивая чудовищными экспериментами в области создания «новой морали» и государства в двадцатом веке, любая попытка строительства общественного здания на зыбком фундаменте государственной морали, как показывает практика, всегда заканчивалась одинаково — массовыми жертвоприношениями во имя ее торжества.

Костры инквизиции полыхали тем чаще, чем менее определенной становилась граница между властью и моралью. Савонарола, Кальвин, Филипп II, Робеспьер, прорвавшиеся во власть религиозные фанатики, всевозможные диктаторы, одержимые идеями строительства «нового мира» и «нового порядка», разве все они не верили, что ими движет благородная цель — нравственное возрождение народа?

Их портрет нарисовать несложно — по локоть в крови, одержимые только им ведомой целью, на пути к которой их ждет неизбежная гибель. Того, кто вступил на этот путь, уже никто не остановит. Как не смог остановить Великого Инквизитора в знаменитой сцене из «Братьев Карамазовых» сам Иисус, во имя которого и совершались бесчисленные злодеяния.

Моральная проповедь и власть земная были для Христа несовместимы: «Божие — Богу, кесарю — кесарево». И только после своего Вознесения он скажет ученикам: «Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы соблюдать все, что я повелел вам» (Матф. 28: 19, 20).

Римские иерархи позднее восприняли этот завет как оправдание своих притязаний на власть: как духовную, так и земную (папоцесаризм), которые закончились яростным протестом со стороны миллионов верующих (протестантство), невиданным ослаблением католической церкви и бесконечными религиозными и гражданскими войнами.

В России подобного хода событий удалось избежать только потому, что власть земную олицетворяло собой государство, моральный авторитет — церковь. «Кесарю — кесарево» означало, в соответствии с православной традицией, не только утверждение принципа лояльности к действующей власти законопослушного гражданина, но и напоминание кесарю о том, что он не имеет права вмешиваться в ту область, которая связана с духовным выбором человека. Во всяком случае, вмешиваться напрямую, методом государственного принуждения.

Вместе с тем таких попыток массового «перевоспитания» населения история знает немало. Как и того, к каким последствиям они привели те государства, в которых власть и мораль слились в единое целое. В результате этого несчастного союза власть превращалась в тиранию, а мораль — в массовую (коллективистскую) идеологию.

«Коллективисты всегда видят перед собой великую цель, оправдывающую их действия, — утверждал Ф. фон Хайек, — ибо никакие права и ценности личности не должны, по их убеждению, служить препятствием в деле служения обществу».

Так что же — лучше потерять с властью, которая иногда склонна «забывать» о моральных принципах, чем найти с властью, которая о них никогда не забывает?

Власти первого рода достаточно видеть перед собой лояльного и законопослушного гражданина, власти второго рода этого мало, ей должна безраздельно принадлежать и его душа. Она считает своим высшим долгом переформатировать сознание и мысли граждан в соответствии с требованиями государственной морали. Поэтому такая власть легко оправдывает свое вторжение в область, до сих пор для нее закрытую, действуя привычными для нее методами.

В итоге принуждение к уплате налогов, законопослушанию и к изменению ключевых установок сознания в соответствии с требованиями государственного мировоззрения и морали выполняется одними и теми же средствами, а подчас одними и теми же людьми.

Эксперимент по «пересадке души» заканчивается либо ее утратой — и тогда мы имеем дело с массовым зомбированным сознанием, — либо расколотым сознанием. Чтобы не выжечь себя изнутри, такое расколотое сознание вовсе отвергает любую мораль (цинизм чаще всего и порожден именно отчаянием). Или внешне приспособливается, перекрашивается точно так же, как это происходит в живой природе, когда возможность выживания напрямую зависит от способности менять свою окраску.

В итоге власть, которая ставит своей задачей моральное перерождение общества, получает социальную среду, состоящую из людей духовно опустошенных, зомбированных, с расколотым и в большинстве своем фарисейским сознанием. Циники и приспособленцы приходят на смену фанатикам, надолго похоронив очередную «великую идею духовного перерождения».

М. Мамардашвили говорил: «Покажите пример идеального или совершенного общества... И когда мы не можем этого показать (а показать нельзя: этого нет), то торжествует нигилизм (из непонимания того, как устроены мы сами, как устроена наша нравственность)».

В конечном итоге природа берет свое, восстанавливая равновесие там, где оно было нарушено, и в соответствии с теми принципами, на которых основана формула выживания человеческого сообщества. Власть может распорядиться жизнью и судьбой подвластных ей людей, она может искалечить их души, но «сотворить» их ей не дано.

Именно поэтому власть не должна и неспособна править на основе принятого ею морального кодекса или императива, а только на основе писаного закона и юридических норм. «Государство ведь лишь служебный орган общества, а не алхимическое лоно выплавки чего-то общественно или нравственно нового, например, «нового человека», «новой морали» и тому подобного» (М. Мамардашвили).

Определенным исключением является принятый в странах ислама шариатский суд, основанный на толковании моральных норм, изложенных в Коране. Но в данном случае власть подчиняется наравне со своими подданными высшему духовному авторитету.

Итак, если попытка совместить понятия морали и власти в одно целое заканчивается гибелью тысяч и тысяч невинных жертв и нравственной деградацией общества, может быть, эти понятия изначально несовместимы? Когда мы говорим об этом, мы, безусловно, имеем в виду диктаторские общества. Но так ли это? Проблема современного западного общества и власти, которая не способна его защитить, разве не в том, что оно увязло в бесконечной толерантности, которая, по сути, и является современной моралью?

В данном случае не власть взнуздала мораль, превратив ее в свою служанку, а, наоборот, мораль украла вожжи у власти.

В итоге: и в том, и в другом случае стерлась незримая граница, которая обозначала те области жизни общества, в которых понятия власти и морали не совпадали в силу внутренне присущих им свойств.

БУНТ СОВЕСТИ ПРОТИВ ЗАКОНА

История многократно подтверждала, что мораль никогда не станет только законом, а совесть — только идеологией. Тем не менее власть, в силу своей природы, никогда не смирится с тем, что есть области общественной жизни, в которых она не имеет приоритета. Именно в этом и заключается причина незатухающего конфликта между властью и той частью общества, которая никогда, в свою очередь, не смирится с диктатом власти в духовной жизни.

Правда, с течением времени бунтари могут сами стать властью, но принципы власти они изменить не в состоянии.

Принуждение к совершению действий, определенных властью, ограничение свободы волеизъявления, насилие именем закона и порядка — все это далеко от идеалов свободы и жизни вольных общин. Именно поэтому социалисты, начиная с Прудона и раннего Маркса, так решительно выступили за отмену всякой власти: поскольку любая власть несовершенна, ее не должно быть в совершенном (социалистическом) обществе. О том же самом всегда говорил и Ленин, полагая, что государство рабочих и крестьян необходимо лишь на самом первом этапе строительства коммунизма. Он говорил о власти и государстве исключительно как о временной мере.

Вместе с тем, захватив власть, большевики создали государство, которое по своей возможности манипулирования массовым сознанием далеко превзошло знаменитый «Левиафан» Т. Гоббса. Их соратники по «борьбе с ненавистным режимом» — анархисты сразу после октябрьского переворота провозгласили немедленную отмену власти, но быстро оценили обстановку и поспешили перекраситься под большевиков или превратились в обыкновенных мародеров. Идея же безвластия так и осталась бесплодной фантазией.

И тем не менее спросим себя: разве в каждом из нас не скрывается вечный протест против неизбежного шаблона, которым власть пытается заменить наши нравственные убеждения, утверждая вместо них свои законы и идеологию?

Бунт совести против закона — это всегда и бунт против власти, чьей функцией является практическое исполнение закона, и бунт против власти как принципа общественного устройства. Такие бунты вспыхивали и разгорались в течение всей человеческой истории и затухали сами собой, сталкиваясь с непреодолимой внутренней силой самосохранения, заложенной в нас природой, — тем древнейшим стайным инстинктом, который породил и иерархию, и вождя, и власть, и закон. Словом, все то, что мы определяем понятием «государство».

Вероятно, самым ярким примером бунта совести против власти как принципа государственного устройства явилась французская революция 1789 года, которая вместе с тем низвергла все прежние принципы и каноны общественной и частной жизни: государство, религию, мораль, культуру, обычаи и т. д.

В отношении власти отрицался не просто политический строй (монархия), отрицался сам принцип власти как принцип устройства любого государства и общества, в основе которого всегда лежит иерархия и неравенство. Вместо него провозглашался лозунг: свобода, равенство и братство. Если бы этот лозунг был последовательно воплощен в жизнь, то это означало бы конец всякой власти, а возможно, и человеческой истории.

События во Франции были столь грандиозны и значительны для всего мира, что вплоть до русской революции семнадцатого года французскую революцию называли одним словом — «Революция» (эпитет «французская» выпал, так как он слишком узко характеризовал события уже мирового масштаба).

Знаменитый лозунг до сих пор красуется на государственном гербе Франции, он лежит в основе многочисленных деклараций и преамбул к большинству конституций мира. И вместе с тем может ли на самом деле человеческое общество выжить, основывая свою жизнь на принципе равенства и братства, и может ли хоть одно государство существовать в условиях безвластия? Или, другими словами, к чему ведет торжество морали? И к чему ведет гибель одной власти, как не к торжеству другой, еще более жестокой и циничной?

Известно, что революционный лозунг был необходим разбогатевшим французским мещанам, чтобы поднять массы на гражданскую войну против аристократии и захватить политическую власть в свои руки. Точно так же и под тем же самым лозунгом гучковы и милюковы в России в феврале 1917 года подняли толпу на свержение русской монархии. К сожалению, в России Корнилов не смог сделать того, что удалось Наполеону во Франции — обуздать вышедшую из берегов народную стихию.

Тем не менее этот лозунг, который с самого начала был не более чем простой декларацией, оказался на удивление живучим. Этот фантом породил все последующие анархические и социалистические учения. И, несмотря на их полный крах, джинна, выпущенного из бутылки в 1789 году, видимо, уже никогда не удастся загнать обратно.

Робеспьер, Прудон, Маркс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун, Че Гевара — этим кумирам будут всегда поклоняться миллионы последователей со всего света. При этом мало кого из них смущает тот факт, что итог их деятельности катастрофичен, а сам принцип отрицания власти и призыв к тотальному равенству привел к насаждению такой беспощадной государственной машины, которую человеческая история знала только в самые мрачные времена.

Оправданием всех жертв, большей частью невинных, для революционеров всегда являлась святая убежденность в том, что требование «свободы, равенства и братства» есть прежде всего требование высшего морального порядка, перед которым все должно отступить и рассыпаться в прах, во имя которого сама гибель является высшим счастьем.

Революционеры всегда приходят для того, чтобы уничтожить действующую власть, но именно французская революция зародила идею об уничтожении самого института власти во имя торжества высших нравственных ценностей.

Откроем Декларацию прав человека и гражданина (*Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*) — важнейший документ Великой французской революции, принятый Национальным Учредительным собранием 26 августа 1789 года. Здесь первое слово республиканского девиза — свобода — определяется следующим образом: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому». Второе слово девиза — равенство — означает, что все равны перед законом: «Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что

обусловлены их добродетелями и способностями». Наконец, третье слово девиза — братство — объяснено так: «Не делай другим того, что не хотел бы получить сам; делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе».

Последнее определение (о братстве) практически дословно повторяет знаменитые слова из Евангелия: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лук. 6:31). Первые два определения (о свободе и равенстве) уже в качестве правовых конструкций вытекают из самого духа и смысла Нового Завета.

Так идеи, ставшие краеугольным камнем христианской морали, с успехом были подхвачены французскими революционерами, что, впрочем, не помешало им сурово расправиться с церковью и монастырскими общинами, в которых эти идеи были практически воплощены.

В самом деле, именно в этих общинах при обязательном отсутствии у монахов какой-либо собственности и полном разрыве с мирской жизнью и ее соблазнами, идея равенства перед Богом на небе и на земле обрела относительную реальность:

- в монастырях нет собственности, которая делит на богатых и бедных;
- нет «лучших людей» и «худших»;
- нет эксплуатации, которая подчиняет одного служить другому;
- нет упоения превосходством своего ума, таланта, физической силы и прочих достоинств (ибо это тягчайший грех гордыни);
- власть настоятеля общины построена на его духовном авторитете, которая несовместима с тщеславием, столь характерным для представителей любой другой власти;
- приходящие в общину добровольно принимают ее установления, которые становятся их внутренним убеждением, предварительно испытав себя достаточно долгой школой послушничества;
- принятое обращение монахов друг к другу: «брат» или «сестра» и т. д.

Есть свидетельства о том, что сама концепция прав человека в ее современном значении зародилась в среде ордена иезуитов, и это не случайно, так как сами понятия личности, личной ответственности перед Богом находят свое выражение в христианстве.

Впоследствии выросший, в том числе из идеала монастырского братства, символ веры французской революции, воплощенный в ее девизе, стал идейной основой социалистического учения. Оно, объявив войну церкви, по сути само ощутило себя «новой церковью» со своим символом веры, поклонением святым и ревнивым отношением к религии как к конкуренту.

Разгром церкви сначала во Франции, а затем в России после большевистского переворота — этому свидетельство. При этом, если раньше государство и церковь были обособлены — по той причине, что законы, принятые государством, и мораль, выраженная в религиозных учениях, далеко не всегда совпадали, — то пришедшие к власти большевики активно взялись за формирование единого закона, морали и идеологии. По сути, ее теоретики провозгласили, что в светском государстве можно и нужно жить по законам, которые когда-то провозгласили монастырские общины.

Отсюда и известное выражение Сталина о партии как об «ордене меченосцев», и общие идеалы бедности, благородства и страстного служения своей вере.

Именно поэтому «государства» при социализме всегда больше, чем при любом другом государственном устройстве, за исключением (и это тоже характерно) теологических государств, таких как кальвинистская Швейцария, протестантская Америка времен «отцов-основателей» и ряд современных мусульманских государств.

Такое государство является не только воплощением закона, но также и церкви (вера, мораль), и философии (идеология, мировоззрение), неизбежно подавляя их истинное значение и умалая до положения покорного слуги.

Итак, начав с яростной борьбы против несправедливости закона и действующей власти, и даже против самого принципа власти как способа организации человеческого общества, социалисты неизбежно скатились к созданию сверхгосударства с беспощадными законами и жесточайшим репрессивным аппаратом.

Ф. Хайек пишет: «Французские мыслители, заложившие основы современного социализма, ни минуты не сомневались, что их идеи можно воплотить только с помощью диктатуры. Социализм был для них попыткой «довести революцию до конца» путем сознательной реорганизации общества на иерархической основе и насильственного установления «духовной власти». Что же касается свободы, то основатели социализма высказывались о ней совершенно недвусмысленно. Корнем всех зол общества они считали свободу мысли. А предтеча нынешних адептов планирования Сен-Симон предсказывал, что с теми, кто не будет повиноваться указаниям предусмотренных его теорией плановых советов, станут обходиться, «как со скотом».

Конфликт между властью и моралью во время революционного бунта всегда разгорался с наивысшей силой, и гасить его победившей стороне приходилось самыми суровыми полицейскими мерами. При этом при любом исходе борьбы жертвами революции становятся ее герои, а власть (и новая, и старая), пережив эпоху смуты, вновь удобно устраивается на своем законном месте. Известное выражение о том, что революцию делают герои, а ее плодами пользуются подлцы, всего лишь эмоциональное подтверждение известного факта.

Идея равенства, рожденная французской революцией, естественным образом трансформировалась в идею создания социалистических коммун, созданных на ином принципе устройства общества, чем принцип властной иерархии. Эту идею попыталась воплотить в жизнь уже русская революция.

Ее победа стоила человечеству несоизмеримых ни с чем жертв, а ее смерть осталась почти незамеченной, не вызвав в массах ничего, кроме равнодушия.

Уничтожить сам принцип власти социалистам не удалось именно потому, что они представляли себе власть исключительно как социально-экономическое, классовое явление. Им казалось, что для решения своей задачи им достаточно уничтожить классы и власть как инструмент классовой эксплуатации, иерархию чиновников и, наконец, законодательную систему, которая оправдывала существование частной собственности и эксплуатацию (наемный труд).

Оставалось изменить матрицу человеческого сознания, которая складыва-

лась тысячами лет. Однако для социалистов задача по ее переформатированию казалась вполне преодолимой. Тем не менее, несмотря на огромные усилия и жертвы, эту задачу выполнить так и не удалось.

Ошибка заключалась уже в исходных посылках: власть не является исключительно классовым явлением, она, безусловно, может принимать классовую форму, но содержание такого явления, как власть, иное — оно представляет собой принцип существования человеческого сообщества, которое возникло намного раньше появления классов.

Иерархия чиновников и законодательная система с ее репрессивным аппаратом являются не столько орудием эксплуатации низших классов, сколько внутренней конструкцией любого государства. И подтверждением этому является тот факт, что социалисты так и не смогли придумать ничего иного, как вернуть иерархию, законы и сам институт власти. Именно это во многом и дискредитировало социалистическую идею.

Современные социалисты, впрочем, не пытаются даже ставить перед собой такие глобальные задачи, которые ставили перед собой их предшественники. Они вполне признали то классовое общество, частью которого они являются, и озабочены лишь решением конкретных социальных проблем в рамках существующего экономического строя и существующей власти.

Должны ли мы теперь согласиться, что идея равенства — это *idée fixe* (во всяком случае, для секулярного общества), что общество неспособно жить без иерархии (властной пирамиды) и что принцип власти — это единственный и непреложный принцип устройства нашего мира?

Тогда как же нам быть с тем нравственным императивом, который заключен в матрице нашего сознания и который определяет принцип безусловного равенства людей как непреложный и фундаментальный принцип человеческого общежития? Способности, богатство, социальное положение, национальная принадлежность — все это не изменит того, что лежит на самом главном, самом глубинном уровне нашего коллективного сознания.

Равенство перед законом и совестью — это камень, на котором стоит наш мир, и в Послании апостола Павла к Галатам (Гал. 3:27,28) сказано: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». В несколько иной форме высказался Сенека: «Равенство — начало справедливости».

На самом деле мы можем говорить о равенстве лишь как о требовании высшего нравственного порядка (нравственном императиве), как о векторе движения к идеалу, недостижимому априори. И это совсем иное равенство, чем то, которое провозгласила французская, а вслед за ней русская революция.

Закономерно, что последние десятилетия социализма в СССР (обществе искусственного равенства и отсутствия конкуренции) называют «эпохой застоя». Именно это ощущение хорошо знакомо всем, кто жил в эти годы. Движение огромного маховика стало все больше и больше замедляться. Равенство и только равенство привело к апатии, мимикрии и стойкому неудовлетворению своей «непрожитой» жизнью.

Революционеры решили осуществить его самым примитивным образом:

уничтожить все бесконечное разнообразие и отличие между людьми, порожденное другим великим принципом, на котором основан наш мир, — принципом личной конкуренции. Между тем равенство и конкуренция — это основа матрицы человеческого сознания, два полюса одного явления и залог нашего развития.

Жить «по совести» и без власти у нас не получилось. Жить в условиях принудительного равенства общество решительно отказалось. Нам всем стала очевидной та огромная пропасть, которая разделяет понятия равенства как идеальной моральной ценности и равенства как унылого факта социалистической действительности.

Общество разочаровалось не столько в морали, сколько в идее строительства общества на основе одних лишь моральных принципов. На самом деле такое общество никогда и не было построено — была создана странная и крайне иерархическая конструкция, поддерживаемая со всех сторон тысячами подпорок и называвшая себя обществом победившего социализма.

Но могло ли быть иначе? И есть ли у человечества шанс построить общество без власти и государственного насилия? Вряд ли. Конфликт между властью и моралью может затихнуть лишь на время, чтобы разгореться снова в другое время и в другом месте.

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

Отчего же власть *допускает* для себя (и внутренне оправдывает) несоответствие нормам морали своих действий? Может быть потому, что власть оправдывает свои действия *другой* моралью?

По мнению Ницше, свобода воли благородного высшего класса вообще не нуждается в чьей-либо оценке, более того, власти надо освободиться от морали и смелее утвердиться в своем собственном праве: «Напротив, сами «добрые», то есть знатные, могучие, высокопоставленные и благородно мыслящие, считали и выставляли себя самих и свои поступки как доброе, как нечто высшего сорта, в противоположность всему низкому, низменно мыслящему, пошлому и плебейскому».

Так же точно и Гегель полагал, что государство — это высшее воплощение абсолютного духа, и нет силы, которая могла бы судить его, включая и мораль. Государство становится выше морали и уже не нуждается в оправдании своих действий.

С другой стороны, наверное, мы не ошибемся, признав, что сакрализация власти — это давняя историческая традиция, которая лежит в самой глубине нашей души.

«Власть в своей сердцевине и власть на своей вершине чуждается превращения. Тут она удовлетворяет сама себя, она желает только себя. В этой форме она больше всего бросается людям в глаза: абсолютная и безответственная, она не существует ни для чего и ни для кого, а только для самой себя. Она вызывает в них больше всего благоговения, когда выступает именно в этой форме; и до сих пор ничто не в состоянии помешать ей появляться вновь и вновь именно таким образом» (Э. Канетти).

Мы почти всегда готовы оправдать отступление от морали во имя интересов

государства. И точно так же — во имя нации, общины, интересов города и т. д. Численность сообщества не играет никакого значения.

Пример: в северной Италии расположен небольшой старинный город Сиена, который входит в перечень излюбленных туристических маршрутов. Вместе с красотой его зданий и соборов времен Средневековья этот город сохранил в себе и сам дух этого времени. Во время обзорной экскурсии по городу вам обязательно расскажут, что он издавна разделен на кварталы, каждый из которых имеет свое название и историю бесконечной вражды с соседями, которая, затухая и разгораясь, дожила до наших дней.

Эта родовая вражда принимает подчас самые причудливые формы и в современную эпоху носит скорее характер театрального гротеска, но разве в Италии когда-нибудь можно было отделить жизнь от сцены? И разве исчезла из нашей жизни борьба родов, кланов, партий и корпораций, которая меняет лишь названия, оставляя суть неизменной?

По мнению Канетти, эту борьбу объясняет так называемый «закон стаи». Как и в самые древние времена, этот закон по-прежнему силен. Численность же стаи не имеет значения. Схватки уличных банд, общин, государств и цивилизаций имеют одну и ту же природу, которая подчиняется все тому же естественному закону. Стая не нуждается ни в морали, ни в каком бы то ни было ином оправдании, кроме интересов самой стаи. Ей нужен вождь, в котором стая чувствует «истинную волю к власти». Таким образом, стая воплощает в себе в чистом виде сообщество, существующее в соответствии и благодаря принципу власти.

«Говорить безотносительно о праве и законе лишено всякого смысла. Оскорбление, насилие, ограбление, истребление не может, разумеется, представлять само по себе правонарушения, ввиду того что сама жизнь, в сущности, в основных своих отправлениях, действует путем повреждений, насилий, грабежей, истребления и не может быть вовсе мыслима помимо этого характера. Приходится признаться еще в большем: что с высшей биологической точки зрения правовые отношения могут считаться только явлением исключительным, представляют частичное ограничение настоящей воли жизни, направленной к власти. Правовой порядок, мыслимый... как средство против всякой борьбы вообще, например, по коммунистическому шаблону Дюринга, что каждая воля должна относиться к каждой воле, как равной, — был бы враждебным жизни принципом, разрушением и истреблением человека, покушением на будущность человека, признаком усталости, медленным путем к Ничто» (Ф. Ницше).

Екатеринбург

Продолжение следует

ТАЛЕРГОФ

Ростислав ИЩЕНКО

Жертвам Талергофа 1914–1918 Галицкая Русь

Единственная существовавшая, но уже утраченная возможность сохранить современное украинское государство — признать его многонациональность, признать существование двух государствообразующих этнических групп, объединяемых термином «украинцы» по признаку гражданства, но которых этнически мы выше определили как малороссов и собственно украинцев. Признать необходимость баланса их интересов, сосуществования разных культурных традиций. В общем, для сохранения украинской государственности ее апологетам было необходимо, давно и жизненно необходимо, перейти от противостояния и навязывания своей «единственно правильной» позиции к компромиссу, взаимодействию и созиданию.

Наиболее онемеченными славянами, которых даже Гитлер позднее считал самыми подготовленными к «аризации», оказались чехи. После Тридцатилетней войны, кстати, начинавшейся как чешская гражданская, одни из самых лояльных подданных империи — чехи, не получив в 1867 году статуса равного или близкого к венгерскому, вначале пытаются убедить имперское правительство в необходимости преобразования монархии из двуединой в триединую. А затем, в начале XX века, становятся едва ли не самыми активными оппозиционерами. С началом Первой мировой войны массово сдаются в плен русским войскам, изъявляют готовность воевать против Австро-Венгрии. Из них формируются многочисленные соединения, составившие в 1918 году знаменитый Чехословацкий корпус, не успевший на фронты Первой мировой, но успешно уничтоживший советскую власть за Уралом и едва не повернувший большевистскую революцию вспять.

Аналогичным образом развиваются отношения центра (на сей раз не только Вены, но и Будапешта) с балканскими славянами. Хорваты, словенцы, иллирийцы, боснийцы — никто не получил желаемой автономии (хотя бы культурно-национальной).

Ситуация в Галиции отличается такой же противоречивостью. С одной стороны, Вена, пойдя навстречу культурно-национальным запросам русин-украинофилов, быстро и успешно сделала их своими надежными союзниками. Логично было хотя бы попытаться применить тот же метод к русинам-русофилам, тем более что практика административного подавления себя не оправдала. Однако вместо этого венский кабинет лишь усиливает репрессивную составляющую своей политики в Галиции. Между тем весь исторический опыт человечества свидетельствует, что репрессии власти могут на короткий момент загнать недовольство населения вглубь. Но, если причина недовольства не устранена, через короткое время оно вспыхнет вновь, лишь усиленное репрессиями. Наконец, рано или поздно репрессии прекращают пугать. Люди просто осознают, что избавиться от опасности репрессий можно лишь одним способом — смести режим.

Уже упомянутое опасение, что Россия потенциально может заявить свои права на Галицию, равно как и провокативное поведение русин-украинофилов не может служить оправданием австрийским властям. Вена столетиями управляла многонациональным государством, в котором каждая провинция отличалась от соседней этнически, культурно, религиозно и традициями государственного управления. Политика *divide et impera* исчерпала себя уже к 1848 году. Позитивный опыт применения политики федерализации к 1914 году также существовал уже почти пять десятилетий. И даже в рамках противо-

---

Окончание. Начало в № 1, 2, 3, 4 2015

ИЩЕНКО Ростислав Владимирович,
президент Центра системного анализа и прогнозирования

ставления русин-украинофилов русинам-русофилам имперское правительство вынужденно было предоставлять украинофилам определенные льготы, предполагавшие минимальную степень удовлетворения культурно-национальных запросов.

По сути, Вена ничего не выигрывала от стимулирования русинского раскола, просто создавала вместо потенциальных сепаратистов-русофилов, таких же потенциальных сепаратистов-украинофилов. Более того, правительство проигрывало. Вместо того чтобы наладить отношения с той фракцией русинского движения, которая могла обеспечить ему народную поддержку, поскольку опиралась на близкую и понятную народу традицию исторической памяти, оно вступило в союз с фракцией, которая сама нуждалась в поддержке властей, ибо могла внедрять в душу народную свои идеологические концепты только при помощи административно-полицейского давления.

Это противоречие в политике официальной Вены в отношении меньшинств можно объяснить только с учетом не преодоленного императорским двором стремления к контрнаступлению на половинчатые завоевания буржуазной революции в Австрии, к реакции. Не преодоленного никогда: ни после 1848 года, ни после 1867–1868 годов. Восстановление тем или иным путем абсолютистского правления оставалось не особенно скрываемой целью Габсбургов на протяжении всей второй половины XIX века. Поэтому задача ограничения распространения гражданских свобод в империи, чтобы процесс не стал необратимым, диктовала все действия кабинета.

Вынужденная уступка венграм была вызвана необходимостью сохранения государства от распада и смягчалась тем, что император сохранил за собой всю полноту исполнительной власти в Транслейтании в качестве венгерского короля. Союз с поляками, а затем с украинцами в Галиции объяснялся именно их относительной слабостью. Поляки составляли меньшинство населения, причем меньшинство ненавидимое, поскольку, в отличие от преимущественно крестьянской русинской общины, составляли большую часть класса наследственных землевладельцев. Кроме того, значительная территория исторической Польши к тому времени входила в состав Российской империи, которой в наибольшей степени и угрожал потенциальный польский сепаратизм.

Украинское движение, как было сказано выше, на первом этапе не выходило за рамки интеллигентских кружков, не имело поддержки в народе и потому также, с точки зрения официальной Вены, не несло в себе немедленной угрозы.

Если исходить из долговременных интересов австро-венгерского государства, такая политика, направленная на союз с элитными и маргинальными группами вместо опоры на народ, являлась ущербной и привела в итоге к его (государства) развалу. Однако, с точки зрения превратно понимаемых интересов династии, с позиции перспектив восстановления абсолютистского правления, только такая политика и могла давать надежду на успех. Поскольку, чем шире демократизация общественной жизни, чем больше опора политических групп на народ, тем меньше зависят они от центральной власти, тем менее они склонны быть послушными верноподданными короны, тем более они

склонны вступать в договорные отношения, требовать учета своих интересов, а в конечном счете и доли во власти.

Если экстраполировать эту ситуацию в несостоявшееся будущее послевоенной Австро-Венгрии, то успешное решение русинского вопроса при помощи геноцида практически неизбежно повлекло бы за собой необходимость решать украинский вопрос. И, скорее всего, он решался бы теми же методами. Ведь австрийский жандарм или венгерский солдат не отличал русина-украинца от русина-русского, а временное совпадение интересов украинофильского движения с интересами Габсбургов могло существовать лишь на фоне ощущения общей угрозы от русинского русофильского движения в Галиции. С исчезновением такой угрозы украинофилы со своими запросами сами становились угрозой. И новый союзник у венского кабинета появился бы мгновенно — галицкие поляки, которые с удовольствием примерили бы на себя ту же роль в отношении украинофилов, которую последние сыграли в отношении русофилов Галиции.

В пользу данной версии возможного развития событий свидетельствует вся история межвоенных украино-польских отношений в Галичине. Та же ОУН до сентября 1939 года была прежде всего полонофобской организацией. «Москали» тогда были далеко — за границей, а собственные русофилы были уничтожены еще в 1914–1917 годах. Да и позже — одна волынская резня чего стоит! А репрессии Польши в отношении галицких украинцев хоть и не были столь жестоки, как геноцид галицких русин Австрией, но также отличались серьезным размахом. Проводившаяся Пилсудским политика пацификации не обошлась без внесудебных расправ, подчас массовых, а окончательно решившая украинский вопрос в Польше акция «Висла» корнями уходит в политику переселения (под видом эвакуации) галицких русин во внутренние области империи во время Первой мировой войны.

Таким образом, если русины-украинофилы и могли извлекать из своего союза с венским кабинетом, направленного против русин-руссофилов, какую-то выгоду, то это была выгода тактическая. Стратегически союз был проигрышным. Применявшаяся же к их оппонентам, при их поддержке, практика решения идеологических и политических вопросов при помощи геноцида с неизбежностью влекла применение впоследствии аналогичного метода и по отношению к ним.

Нет никакого сомнения, что в гипотетическом (но отнюдь не невозможном, более того — весьма вероятном) украино-польском конфликте в австрийской Галиции венский двор принял бы сторону социально близкой польской аристократии, а не галицийских поселян. Эта аристократия была связана с общественной верхушкой Австрии и Венгрии многочисленными узами, долгие годы выполняя функции управления краем от имени австрийской короны.

Впрочем, история пошла другим путем. Австро-венгерская империя рухнула, решив русинскую проблему лишь наполовину. Она дерусифицировала провинцию при помощи геноцида, а решение созданной ею проблемы украинизации русин выпало на долю Польши и СССР. В СССР решение не было найдено, Польша своих украинцев, сравнительно немногочисленных после

территориальных изменений 1945 года, расселила в западные воеводства и довольно успешно ассимилировала. Во всяком случае, больше никто, кроме австрийцев и их союзников — украинофилов Галиции не рискнул реализовать в провинции политику геноцида. С учетом исторических традиций разных народов это неудивительно. Как правило, даже развязывая террор, правительство имело целью лишь запугать. Поэтому на определенном этапе террор останавливался, даже если цель не была достигнута — никому ведь не нужна провинция без подданных. И только немцы, составной частью, а долгое время и передовым отрядом которых были австрийцы, в своем движении на восток интересовались исключительно землей и иными ресурсами. Люди же могли либо онемечиваться, либо исчезать, как исчезли ободриты, лужицкие сербы и другие славянские народы, населявшие восток нынешней Германии до Эльбы. Германия всегда была готова выдвинуть на опустевшие в результате геноцида земли новый отряд колонистов. Поэтому немецкий (австрийский) геноцид мог остановиться только после окончательного достижения цели — исчезновения объекта геноцида.

***

Украинские националисты переняли этот австро-германский подход к геноциду как способу решения любых проблем, не имея, однако, возможности заселять очищенные территории за отсутствием потенциальной армии колонистов. Отсюда и главное противоречие украинского национализма — потенциально он может достичь своей цели построения «украинской Украины» за счет физического уничтожения или изгнания всех нелояльных, но вместе с ними он просто уничтожит государство, которое лишится большинства своих граждан.

ГЛАВА 8. ВОЙНА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ВОЙНА ГРАЖДАНСКАЯ

По сути, ни одна из сил, в той или иной степени, в том или ином качестве участвовавших в геноциде галицких русин, не решала с его помощью своих стратегических задач. Даже наоборот — решение проблемы становилось невозможным. Тем не менее геноцид начался и годами поддерживался как бы сам собой, как «инициатива снизу», не получившая должного отпора властей, как разгул народной стихии. Это дает нам право говорить о том, что в крае, при попустительстве венского кабинета, шла гражданская война, в которой местные власти и военное командование поддержали одну из сторон конфликта, результатом чего стал массовый геноцид сторонников другой стороны.

Все изложенное ни в малейшей степени не снимает ответственности с императорского и королевского правительства как со структуры, юридически и фактически ответственной за все происходящее на подведомственной территории. Правительство было осведомлено о том, что именно происходит в провинции, оно имело достаточные юридические и фактические полномочия для того, чтобы остановить геноцид, но годами «не замечало» его, молчаливо поощряя убийц.

Никакие соображения государственной безопасности не могут служить оправданием поведения центральных австрийских властей в сложившейся

ситуации. Равным образом неадекватность, неготовность, неверная оценка ситуации также не снимают с них ответственности, поскольку для политика простое несоответствие занимаемой должности, приведшее к фатальным последствиям, уже является уголовным преступлением. Механизм отставки демократических правительств записан во многие конституции, в том числе и в украинскую. Право народа на восстание и знаменитое пушкинское «самовластие, ограниченное удавкой» — вот регуляторы, в разные века и в разных условиях служившие и служащие предохранительными механизмами от руководящей неадекватности. А правительство, в условиях боевых действий с сильным противником провоцирующее и поощряющее гражданскую войну на собственной территории, иначе как неадекватным назвать трудно.

Несмотря на то что присоединение Галиции к Российской империи не являлось одним из внешнеполитических приоритетов Петербурга накануне войны, с началом боевых действий такая цель появилась. Она, конечно, уступала по своей значимости задаче установить полный русский контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, к тому времени сто пятьдесят лет, со времен Екатерины II, описываемый формулой «вернуть крест на Святую Софию». Не исключено, что Россия при заключении мирного договора отказалась бы от Галиции, используя ее в торге за решение более приоритетных проблем. В конце концов, нищая, дополнительно разоренная войной провинция — не большое приобретение для империи.

Однако факт создания генерал-губернаторства сразу же после оккупации Галиции русскими войсками в 1914 году свидетельствует о том, что намерение аннексии Галиции существовало. Об этом же свидетельствуют и официальные документы, в том числе российские требования по послевоенному переделу территорий, предъявленные союзникам. То есть, по возможности, Россия желала все же сохранить Галицию за собой.

Этому есть как минимум две логичные причины. Во-первых, со времен Ивана III российские государи позиционировали себя как единственные легитимные наследники первых Рюриковичей — князей-единодержцев древней Руси. Галиция оставалась последним осколком русских земель, все еще находившимся в тот момент под иностранным управлением и не возвращенным под скипетр русского монарха. Идея восстановления державы, сформулированная еще в конце XV века, властно требовала закончить собирание русских земель. Сегодня бы сказали, что необходимо было завершить геополитический проект.

Во-вторых, в начале XX века, накануне Первой мировой войны, Петербург уже столкнулся с распространением на Юг России и в Малороссию ереси взращенного австрийцами и поляками украинства. Оно раскалывало единый православный народ, подрывало позиции империи на стратегически важном Юге, не так давно, по историческим меркам, отвоеванном у Турции и являющимся плацдармом для дальнейшего движения к Константинополю, проливам и на Балканы.

Как австрийцы имели все основания опасаться русинского русофильства, так же и Российская империя должна была стремиться к уничтожению укра-

инской бациллы русофобии. Не случайно сегодня политический украинец, как правило, евроинтегратор, действует под лозунгом «геть від Росії». Эта особенность украинства была отчетливо заметна уже тогда. При этом необходимо помнить, что украинство в то время действовало еще и под общесоциалистическими лозунгами. Подавляющее большинство (если не все) политических сил, действовавших на территории Российской империи и позиционировавших себя как украинские, были одновременно и социалистическими, и революционными. То есть стремились к насильственному свержению российского самодержавия. И эта последняя цель была у них приоритетной, что подтверждается последующей деятельностью Центральной Рады. Она свержение самодержавия поддержала сразу, но свои отношения с Временным правительством стремилась строить на началах автономии в составе России, а лозунг независимости выдвинула вынужденно, лишь после захвата власти большевиками, которые сами не собирались мириться с властью Рады в Киеве.

Следовательно, петербургское правительство логично стремилось к подавлению украинства как потенциально сепаратистского (а на тот момент еще даже не вполне автономистского). Но в большей мере — как социалистического и революционного движения, смыкавшегося с другими врагами династии Романовых в намерении ниспровергнуть монархию. Но подавить украинство, не контролируя территорию его зарождения и распространения — Галицию, было невозможно. Таким образом, интересы внутренней безопасности империи требовали аннексии Галиции.

В то же время необходимо трезво оценивать австрийскую ситуацию, чтобы понимать принципиальный характер сохранения суверенных прав на Галицию для австрийского правящего дома. Австро-Венгрию тогда не случайно называли «лоскутной монархией». Германский, первоначально государствообразующий, элемент к концу XIX века практически растворился в инациональном, в большинстве своем славянском море. Империя скреплялась только за счет признания по умолчанию суверенных прав монарха на отдельные ее территории. Признание права австрийских русских на присоединение к своему национальному государству, вопреки династическим правам австрийского императора (а именно так, по сути, мотивировались появившиеся с началом войны российские претензии на Галицию), было бы для Австрии созданием опасного прецедента. Если можно Галиции, то можно и другим. С учетом сильных пророссийских настроений среди славянских подданных империи (кроме поляков), можно было смело прогнозировать полный развал австро-венгерской государственности (и без того непрочной).

Решение этой проблемы Австрия видела в отторжении от России малороссийских областей. Часть территории должна была быть присоединена непосредственно к австрийским владениям, на части планировалось создание формально независимого буферного государства, а на деле — австрийского протектората, управляемого либо императором напрямую (на основании личной унии, как Венгрия), либо кем-то из семьи Габсбургов. Таким образом, Россию планировалось отрезать от Балкан и загнать в Азию.

В господстве на Балканах и в отбрасывании России за линию Дона и Полесских болот Австрия видела гарантию своей безопасности. Сам по себе галицийский вопрос, как мы отмечали выше, до войны не особо беспокоил Россию. Но контроль турецких проливов, обеспеченный прочными позициями на Балканах, был для России принципиальным. Здесь противоречия оказались непримиримыми. Не случайно вся Первая мировая война формально началась из-за того, что Австрия ясно продемонстрировала намерение ликвидировать независимость Сербии — последнего (если не считать крошечной Черногории) относительно надежного союзника России на Балканах. А Россия не менее ясно продемонстрировала намерение этому помешать.

Этим комплексом противоречий определялся империалистический характер борьбы Австрии и России за Галицию. Не являвшаяся яблоком раздора до войны, провинция стала таковым в ходе боевых действий, когда, во-первых, возникла возможность пересмотреть границы, а во-вторых, у России в Галиции появился внутренний союзник в лице затравленных австрийской властью русинов.

Права династии и интересы государства и в Вене, и в Санкт-Петербурге рассматривались как достаточные обоснования претензий на Галицию. Мнение народа никого не интересовало, вернее, интересовало лишь в той степени, в какой могло помочь или помешать реализации государственных и династических амбиций. Для России присоединение Галиции являлось бы завершающим актом собирания древнерусских земель. Для Австрии сохранение Галиции было важно, даже необходимо, в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии в Малороссию и на другие южнорусские земли, каковая экспансия, по идее венских стратегов, должна была обеспечить безопасность государства.

Однако, как мы отмечали выше, помимо империалистической войны, шедшей на территории Галиции и приносящей массу бед ее населению, в провинции шла и гораздо более серьезная и бескомпромиссная гражданская война русин-русофилов и русин-украинофилов (русских и украинцев). Внешне не сразу заметная, именно эта война во многом определила массовый и чрезвычайно жестокий характер австрийских репрессий в Галиции, вылившийся в геноцид ее русского населения.

Языковое противоречие, и в сегодняшней Украине служащее едва ли не главным камнем преткновения, главной линией разделения народа, в феврале 2014 года превратившееся в непреодолимый цивилизационный разлом, было основным и в Галиции начала XX века. Иных просто не было. Русины еще не стали окончательно русскими и украинцами, они все еще были русинами, но выбор языка пропаганды, а затем и языка общения, языка творчества, постепенно определял внутривнутриполитические симпатии и внешнеполитическую ориентацию.

Не то же ли самое мы видим в современной Украине? И не объясняется ли эта непримиримость в отношении, казалось бы, пустякового вопроса тем, что кроме выбора в пользу языка Пушкина (литературного языка имперской элиты, отшлифованного в дворянских салонах Санкт-Петербурга) или в пользу

народных южнорусских говоров, русский от украинца и сейчас-то мало отличается? А уж русин-укаинофил, от русина-русофила и вовсе ничем не отличался кроме лингвистических предпочтений. Всегда наибольшее ожесточение вызывает внезапно обнаруженная «нетаковость» (несоответствие собственному внутреннему стандарту) человека близкого. Потому и гражданские войны отличаются наибольшим ожесточением — в них каждая сторона видит в оппоненте не просто врага, но предателя.

Русинско-русинское противоречие было разрешимо в рамках концепции существования на одной территории двух русинских культур: традиционной — русской и формирующейся — украинской. Очевидно, что при наличии минимальной доброй воли австрийских властей, при проведении ими минимально адекватной политики никаких оснований для возникновения и нарастания противостояния между русофильской и укаинофильской фракциями русинского движения не было. Не ссорятся же полтавчане с харьковчанами или львовяне с волянянами из-за диалектных различий. Именно отчетливо выраженное намерение венского кабинета поддерживать русин-укаинофилов только в качестве антипода русин-русофилов привело к нарастанию искусственно возвращаемого австрийцами межфракционного антагонизма, переросшего вначале в партийно-политическую ненависть, а затем и в этническую вражду.

По итогам войны и русской революции Галиция перешла под власть Польши. А она рассматривала все русинское население как украинское. Вхождение этой территории в состав СССР, где большевистская укаинизация уже закончила формирование украинской нации (по крайней мере, формально), и в этом случае предопределило зачисление всех русинов в украинцы. Но и до этих событий, в результате Гражданской войны 1914–1918 годов, в Галиции фактически выделился из вчера еще единых русин новый этнос — украинский. А он рассматривал в качестве украинцев всех русин (а в перспективе — и малороссов), и на этой почве вошел в непримиримый конфликт с теми русинами, которые продолжали идентифицировать себя как русских.

Этот тезис подтверждается современной политической практикой. В частности, в Закарпатье, где имя русин не погибло, как это произошло в Галичине, результаты голосования на президентских и парламентских выборах всегда бывают значительно ближе к областям юго-востока и к Крыму, население которых в большинстве причисляет себя к русской Украине. Это Закарпатье делает геополитический выбор в пользу России, а не соседних западных областей, позиционирующих себя как украинский Пьемонт и являющихся локомотивом евроинтеграции.

Отчетливый, направленный против русофильской фракции союз австрийских властей с укаинофилами стимулировал русофилов к поиску союзника, способного компенсировать вес Вены, брошенный на чашу весов ею же инспирированного внутрirusинского конфликта. Таким союзником мог быть только Санкт-Петербург. По сути, Австрия, терзаемая иррациональными страхами, своими руками создала условия для возникновения на территории ее пограничной провинции гражданского конфликта и сама же своими дей-

ствиями толкнула одну из сторон этого конфликта в объятия доставлявшего наибольшие опасения Вене геополитического оппонента. Австрия создала все необходимые и достаточные условия для возникновения самого вопроса об аннексии Галиции Россией.

Еще раз заметим, что большая часть австрийских страхов была, как сказано выше, иррациональна. Несмотря на пожелания панславистов, официальный Петербург не горел желанием превращать Российскую империю в панславянскую. Тем не менее конкретные действия, допущенные и санкционированные австрийскими властями, а именно террор против мирного населения, переросший в геноцид галицких русин, а также разжигание внутрирусинских противоречий и явная поддержка Веной одной из сторон конфликта, сделали русин-русофилов естественными союзниками русской армии, появившейся в Галиции в 1914 году. Династические традиции, геополитические интересы и даже свойственное тогдашнему обществу, да отчасти и политикам, идеалистическое представление об обязанности защитить угнетаемое родственное население сделали свое дело, превратив для населения Галиции империалистическую войну в гражданскую значительно раньше, чем это сделал Ленин в России.

Тот факт, что в гражданский конфликт оказались вовлечены великие державы, не делает, тем не менее, ответственность Вены и Петербурга одинаковой. Да, Россия, после того как ее войска оказались в Галиции, поддержала русинское русофильское движение. Во время войны естественно привлекать на свою сторону союзников. Но русины-украинофилы за все время российской оккупации Галиции и существования генерал-губернаторства не подвергались гонениям. И уж тем более на подконтрольных России территориях не проводилась политика массового уничтожения нелояльного населения. В то же время австрийские власти, как указано выше, начав репрессии еще до войны, лишь ужесточали и расширяли их. Таким образом, ответственность за трагедию галицких русин практически полностью должна быть возложена на власти Австро-Венгрии, которые спровоцировали в собственной провинции ситуацию гражданского противостояния, довели ее до взрыва и затем попытались восстановить спокойствие за счет тотального уничтожения значительной части своих собственных подданных.

ГЛАВА 9. ТАЛЕРГОФ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕНОЦИДА 1914–1917 ГГ.

Необходимо констатировать, что геноцид галицких русин в 1914–1917 годах полностью изменил этническую и политическую ситуацию в Галиции, которая именно после этого стала современной Галичиной. Именно после этого термин «русины», до сих пор бытующий в Закарпатье, перестал применяться к населению Галиции. Именно с этого момента русофильские тенденции стали быстро затухать в данном регионе, постепенно сменяясь русофобским украинским национализмом.

«Война, которая нанесла нам столько болезненных ударов, должна, наконец, основательно прочистить атмосферу галицкой публичной жизни от

москвофильства», — с удовлетворением отмечала газета «Діло» (Лист з Відня // Діло. 10 марта 1916 р.). Накануне войны российское консульство во Львове считало, что «приблизительно половина малороссийского населения Галиции принадлежит или сочувствует русской партии» (Москвофильство: документи і матеріали. Львів. 2001. С. 97). На самом деле было даже больше, ибо во время занятия края русской армией в 1914 году часть украинофильских общин перешла в русофилы. По окончании войны ситуация кардинально меняется.

В целом можем констатировать, что геноцид оказался единственным инструментом, позволившим Австро-Венгрии формально достичь своих целей в Галиции, в частности, изменения исторической памяти, языка и политической ориентации ее населения. Правда, стратегически самой Австро-Венгрии это не помогло, но это не отменило опасного соблазна для захвативших власть в Киеве националистических политических сил попытаться повторить австрийский опыт сегодня, в надежде, что им повезет больше. В конце концов, история учит нас тому, что даже миллионы и десятки миллионов жертв, положенные на алтарь исторического опыта, оказываются бессмысленными, и следующие поколения с упорством, достойным лучшего применения, повторяют самые бессмысленные ошибки и самые гнусные преступления своих предков.

«Русское движение так и не оправилось от Талергофского разгрома», — констатируют современные исследователи (Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2000. С. 166). «Почти все лучшие представители интеллигенции, духовенства, крестьян, рабочих были физически уничтожены» (Каревин А. С. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». М., 2006. С. 104).

Но и для самой Галиции, теперь уже Галичины, геноцид сыграл отрицательную роль. Казалось бы, украинофильская фракция выиграла гражданскую войну за счет геноцида своих оппонентов-русофилов, учиненного австрийскими руками под благовидным предлогом защиты отечества. Однако в результате Галичина, перестав быть русской Галицией, не стала ни австрийской, ни польской. Нельзя сказать, чтобы она стала и украинской. Самоназвание «галичане» осталось до сих пор, и потомки жителей бывшей Галиции четко отделяют себя от населения всей остальной Украины, что неоднократно отмечали исследователи, принадлежащие к разным политическим лагерям, в том числе и к националистическому. Не случайно в 1918–1920 годах объединение УНР (Украинской народной республики) и ЗУНР (Западно-украинской народной республики) состоялось лишь формально, настоящего слияния не произошло.

Более того, начавшись как внутрирусинская культурологическая дискуссия, приобретающая затем характер политического движения, став после Первой мировой войны этнообразующим фактором в Галиции, превратившим ее при помощи геноцида русофилов в Галичину, украинофильство и сегодня выдвигает те же требования, что в 1914–1918 годах. Только теперь речь идет об искоренении русского этнического компонента не в отдельно взятой австрийской провинции, а во всех объединенных в Украину землях Малороссии, Новороссии и Слобожанщины.

Если в землях к востоку от Збруча превалирует восприятие украинства как гражданства, то в бывшей австрийской Галиции на первое место выдвигается этнический характер украинства. Причем русская, русскоязычная или русофильская часть Украины, по старой галицкой традиции времен Талергофа, рассматривается в качестве предателей или, в крайнем случае, неполноценных граждан, которым требуется прохождение дерусификации.

Выше уже приводились многочисленные примеры полного совпадения действий, намерений, оценок и взглядов австрийских властей, русин-укаинофилов и нынешних украинизаторов. Красной нитью сквозь них проходит русофобия. Однако, что было понятно (возможно, даже естественно) для одного из многих культурно-национальных, а затем и политических движений отдельной австрийской провинции, является абсолютно неприемлемым для современного многонационального государства, каковым является Украина. Тем более для государства, определившего своей целью вступление в отвергающий этническую унификацию Европейский Союз, одна из концепций развития которого предусматривает трансформацию из союза стран в союз регионов.

Культурное и лингвистическое противостояние традиционного русского и вновь обретенного украинского этнического субстрата, характерное для Галиции рубежа XIX–XX веков и во многом предопределившее трагедию Талергофа, повторяется в современном украинском государстве. Только на него уже накладывается традиционное политическое противостояние двух компактно расселенных по Украине общин. А также — чего не было в Галиции — противостояние конфессиональное. Не говоря уже о католиках и униатах, даже в рамках православной религии граждане Украины, относящие себя к украинской нации, предпочитают Киевский патриархат, а не забывшие общерусское единство малороссы и новороссы — патриархат Московский. И так же, как украинцы считают малороссов «пятой колонной Кремля», малороссы считают украинцев, постгеноцидных галичан, забывших о своем русинстве, «пятой колонной» Запада.

Фактически на территории украинского государства, как некогда в австрийской Галиции, заканчивается формирование двух наций. Это малороссы, причисляющие себя к русской нации и стремящиеся слиться с ней культурно, территориально, административно, на государственном уровне. Это украинцы, которых малороссы часто именуют галичанами в память о провинции Австро-Венгрии, в которой собственно и вызрела идеология украинства, создавшая нацию. Обе эти этнические группы являются гражданами Украины и поэтому именуются (а часто и сами себя именуют) украинцами.

Как показал опыт Австро-Венгрии, прервать этот процесс при помощи мер административного воздействия невозможно. Даже переход к уголовной репрессии не превратил русин-русофилов в укаинофилов. Проблему «решил» только геноцид, но и сама Австро-Венгрия распалась.

В современной Украине у власти находятся политические силы, стремящиеся повторить австрийский опыт. Они помнят заветы Степана Бандеры — последнего украинизатора Галичины, усовершенствовавшего австрийские

методы при помощи германского национал-социализма и утверждавшего, что «наша власть должна быть страшной». Однако современный мир уже не так равнодушно относится к массовому уничтожению людей. И неважно, объясняется ли оно интересами государственными, политическими, этническими или племенными. Попытка геноцида гарантированно ведет к международному вмешательству и к утрате для силы, пытавшейся развязать геноцид, всякой легитимности.

Кроме того, необходимо учитывать, что как минимум с 2004 года внутренняя легитимация украинских политиков (путем голосования населения на выборах) заменена внешней — исход выборов не важен, важно признание статуса конкретного политика иностранными государствами. Эта контрпродуктивная идея настолько широко распространена в обществе, что прозападные политтехнологи и журналисты часто публично пугают высших руководителей страны, что если те сделают или не сделают что-либо угодное представителям националистического политического спектра, им «в Европе никто руки не подаст».

Мы должны отдавать себе отчет в том, что уходящая корнями в галицийский конфликт русин-русофилов и русин-украинофилов привычка искать внешнего (иностранного) покровителя для разрешения внутреннего конфликта в свою пользу сохранилась и в современной Украине. Очевидно, что пророссийская часть украинского общества готова приветствовать любое вмешательство России в дела Украины с не меньшим энтузиазмом, чем его украинская часть неоднократно приветствовала вмешательство Запада. То есть раскол настолько глубок, что противостоящие лагеря видят во внешней силе естественного союзника против своих сограждан. Это взгляд с позиций гражданской войны. При таких общественных настроениях — а они нарастают — единое государство долго существовать не может. Ушел Крым, уходит Донбасс, готовится уйти Новороссия, а за ней настанет очередь Малороссии сепарироваться от Галичины.

Единственная существовавшая, но уже утраченная возможность сохранить современное украинское государство — признать факт его многонациональности, признать существование двух государствообразующих этнических групп, объединяемых термином «украинцы» по признаку гражданства, но которых этнически мы выше определили как малороссов и собственно украинцев. Признать необходимость баланса их интересов, сосуществования разных культурных традиций. В общем, для сохранения украинской государственности ее апологетам было необходимо, давно и жизненно необходимо, перейти от противостояния и навязывания своей «единственно правильной» позиции к компромиссу, взаимодействию и созиданию.

Как учит нас австрийский (а теперь уже и украинский) опыт, альтернативный путь рано или поздно приводит к геноциду части народа и к распаду государства. Пепел Талергофа должен стучать в наши сердца, напоминая о пагубности вражды, о бессмысленности мести, о необходимости быть людьми, а не этно-политическими функциями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что во всех тюрьмах и концлагерях Австро-Венгрии погибло значительно меньше русин, чем их было бессудно расстреляно и повешено в родных селах, именно трагедия Талергофа, донесенная до международной общественности выжившими представителями русинской интеллигенции, стала таким же символом трагедии, как Хатынь, Лидице, Орадур-сюр-Глейн, Одесса, Мариуполь. Поэтому, когда говорят о событиях 1914–1917 годов, чаще всего употребляют одно слово — Талергоф. Эта традиция сложилась не сегодня. Выжившие жертвы репрессий уже в своих мемуарах именно так — «Талергоф» — определяли весь комплекс сложных и многообразных событий, разворачивавшихся на землях австрийской Галиции в 1914–1917 годах.

В этой работе автор попытался исследовать предысторию, причины и процесс возникновения ситуации, при которой геноцид стал в принципе возможен. Также автор пытался показать весь комплекс внутренних и международных проблем, который определял развитие событий на протяжении предшествовавшего геноциду столетия.

Еще одной важной задачей работы автор видел исследование последствий геноцида, в частности, его влияние на день сегодняшней и на развитие современного украинского государства.

Автор отдает себе отчет в том, что это лишь одна из возможных точек зрения на данное событие. В связи с этим приветствовал бы развертывание широкой научной дискуссии по данному вопросу. Это представляется тем более актуальным, что вся история украинизации русинов Галиции, со всеми ее печальными последствиями, была в ускоренном темпе, в более масштабном и зверском виде повторена в современной Украине, где уже год, не останавливаясь, идет геноцид русского населения.

К сожалению, в последние десятилетия проблема Талергофа как проблема геноцида галицких русин, осуществленного австрийскими властями и их местными пособниками, практически не привлекала к себе внимание ученых, в том числе украинских. Это при том, что практически все документы находятся в свободном доступе и даже опубликованы в Интернете.

Некоторое количество публикаций в прессе, носящих к тому же ярко выраженную партийно-политическую окраску, не могут заменить глубокого научного исследования, невозможного без серьезной дискуссии.

Надеюсь, что данная работа сыграет роль позитивного провокатора этой дискуссии. В конце концов, мировое сообщество получит всеобъемлющее качественное научное исследование одной из крупнейших трагедий XX века, последствия которой до сих пор во многом определяют политический ландшафт современной Украины.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Георгий ЖУКОВ

*Парад Победы союзных войск в Берлине 7 сентября 1945 года.
Главнокомандующий британскими войсками
фельдмаршал Бернард Монтгомери и маршал Георгий Жуков*

В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Метро и широко развитые подземные сооружения давали вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр. Сам город и его пригороды были тщательно подготовлены к упорной обороне. Каждая улица, площадь, переулок, дом, канал и мосты являлись составными элементами общей обороны города.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно.

Инженерные части изготовили точный макет города с его пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города.

Георгий Константинович ЖУКОВ

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков родился 1 ноября 1896 года в Калужской области, в крестьянской семье. Окончил три класса церковной школы. Затем поступил в качестве ученика в скорняжную мастерскую. Некоторое время работал скорняком под началом своего дяди. Дополнительно получил образование в училище. Для этого ему приходилось заниматься по вечерам, после работы.

В годы Первой мировой войны его призвали в армию и зачислили в полк, стоявший в Харьковской губернии. Весной 1916 года был отправлен на офицерские курсы. После учебы Жуков стал унтер-офицером и служил в драгунском полку, в составе которого участвовал в боях Великой войны. Вскоре получил контузию от взрыва мины и был отправлен в госпиталь, стал плохо слышать на одно ухо.

Успел проявить себя, за взятие в плен немецкого офицера был награжден Георгиевским крестом. В годы Гражданской войны служил в Красной армии добровольцем. Сначала командовал взводом, позже — эскадроном. В одном из боев получил ранение. После Гражданской войны окончил курсы красных командиров. Командовал кавалерийским полком, потом бригадой. Был помощником инспектора кавалерии РККА.

В 1923 году стал командиром полка. В предвоенные годы прошел обучение в Высшей школе кавалерии. Отличился во время советско-японского военного конфликта в 1939 году. В сражении на реке Халхин-Гол умело применил танковые войска для уничтожения японских войск. За этот подвиг Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза.

В мае 1940 года И. В. Сталин назначает Георгия Константиновича командующим Киевским Особым военным округом. После реформы воинских званий в 1940 году стал генералом.

Приступив к исполнению своих обязанностей в Киеве, Георгий Константинович первым делом потребовал от командиров частей обучать войска в условиях, максимально приближенных к военному времени. После этого в округе прошли командно-штабные учения и смотр войск. В декабре этого же года он выступал с докладом на заседании Генштаба. В своем выступлении генерал подчеркнул неизбежность нападения Германии на СССР и необходимость создания в срочном режиме танковых и механизированных корпусов.

В январе 1941 года, незадолго до вторжения Германии на территорию СССР, Жуков был назначен начальником Генштаба, заместителем наркома обороны страны. Он быстро освоился на новой должности, видел недостатки системы

и многое сделал для укрепления обороны государства в короткое время. Деятельность Генштаба под его руководством активизировалась, были предприняты попытки подготовки войск к противостоянию с серьезным оппонентом.

С началом Великой Отечественной Войны Генштаб перешел на круглосуточную работу. Жуков находился на фронте в центре событий и пытался оперативно и максимально адекватно реагировать на быстро меняющуюся обстановку. В конце лета он руководил действиями резервного фронта, который успешно осуществил наступательную операцию. Это было первое наступление Советских Войск в Великой Отечественной Войне. В боях под Ельней воины Красной армии заставили противника отступить и ликвидировали немецкий плацдарм, грозивший фронту большими проблемами.

Георгий Жуков руководил обороной Ленинграда. Благодаря усилиям талантливого полководца, а также героизму простых русских солдат и работников тыла, удалось остановить немецкие войска. Пока генерал оборонял Ленинград, ситуация на западном фронте сложилась почти критическая. Москва была под угрозой захвата немецкими армиями. Сталин назначает Жукова командующим западным фронтом, и ценой невероятных усилий в ходе кровопролитных боев под Москвой Красной армии удается отстоять город.

В августе 1942 года Георгий Константинович стал первым заместителем наркома обороны государства, а также заместителем Верховного Главнокомандующего. Был координатором действий фронтов под Сталинградом, Ленинградом, на Курской дуге, в битвах за Днепр. Вскоре Жукову было поручено возглавить Первый Украинский фронт. За заслуги перед Родиной был награжден орденом «Победа».

В 1944 году Жуков координировал действия Белорусских фронтов, и в ходе блестящей операции территория Белоруссии была освобождена от иноземных захватчиков. Через некоторое время маршал был назначен командующим Первым Белорусским фронтом, который действовал на Берлинском направлении. В ходе боев весны 1945 года войска разгромили большую группировку немецких войск, а вскоре был взят Берлин.

Г. К. Жукову было доверено принимать парад Победы на Красной Площади.

В послевоенные годы он занимал руководящие военные и правительственные должности, был министром обороны страны. Заслуги его были всецело оценены как государством, так и его гражданами. Он четырежды Герой Советского Союза, дважды обладатель ордена «Победа», награжден шестью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова, а также наградами других государств, воевавших с Германией. При Хрущеве Г. К. Жуков занимал пост министра обороны. Был отправлен в отставку в 1958 году.

Георгия Жукова не стало 18 июня 1974 года. Похоронен у Кремлевской стены.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Георгий ЖУКОВ

Советские Вооруженные Силы, готовясь к последней схватке с фашизмом, к штурму Берлина, строго исходили из согласованной с союзниками политики безоговорочной капитуляции Германии как в области военной, экономической, так и политической. Главной нашей целью на этом этапе войны была полная ликвидация фашизма в общественном и государственном строе Германии и привлечение к строжайшей ответственности всех главных нацистских преступников за их зверства, массовые убийства, разрушения и надругательства над народами в оккупированных странах, особенно на нашей многострадальной земле.

Замысел Берлинской операции в Ставке в основном определился в ноябре 1944 года. Уточнение его проходило в процессе Висло-Одерской, Восточно-Прусской и Померанской операций.

При разработке плана Берлинской операции учитывались и действия экспедиционных сил союзников, которые в конце марта — начале апреля 1945 года широким фронтом вышли на Рейн и приступили к его форсированию, с тем чтобы развернуть общее наступление в центральные районы Германии.

Верховное командование союзных войск ближайшей целью своих действий ставило ликвидацию рурской группировки противника и овладение промышленным районом Рура. Затем оно планировало выдвижение американских и английских войск на Эльбу на берлинском направлении. Одновременно разворачивались операции американских и французских войск в южном направлении с целью овладения районами Штутгарта, Мюнхена и выхода в центральные районы Австрии и Чехословакии.

Несмотря на то что решениями Крымской конференции советская зона оккупации была определена далеко западнее Берлина, а советские войска уже находились на Одере и Нейсе (в 60–100 километрах от Берлина) и были готовы начать Берлинскую операцию, английское командование все еще продолжало лелеять мечту о захвате Берлина раньше, чем туда придет Красная армия.

Хотя между американскими и английскими политическими и военными деятелями не было единства в стратегических целях на завершающем этапе войны, само Верховное командование экспедиционных сил союзников не отказалось от мысли при благоприятной обстановке захватить Берлин.

Так, 7 апреля 1945 года, информируя объединенный штаб союзников о своем решении относительно завершающих операций, генерал Дуайт Эйзенхауэр заявил:

— Если после взятия Лейпцига окажется, что можно без больших потерь продвигаться на Берлин, я хочу это сделать. — И далее: — Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию.

В последние дни марта И. В. Сталин через американскую миссию получил информацию Эйзенхауэра о его плане выхода на согласованную линию на берлинском направлении. Из этого сообщения было видно, что дальнейшее наступление английские и американские войска предполагали развернуть на северо-восток, чтобы выйти в район Любека, и на юго-восток с целью подавления противника на юге Германии. Ставка к этому времени уже располагала некоторыми сведениями о трениях и противоречиях, которые происходили между английским и американским политическим и военным руководством по поводу стратегических планов.

И. В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английскими и американскими правительственными кругами. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что немцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной армии. 27 марта 1945 года корреспондент агентства Рейтер при 21-й армейской группе Кэмпбелл сообщал о наступлении англо-американских войск: «Не встречая на своем пути сопротивления, они устремляются к сердцу Германии». В середине апреля 1945 года американский радиобозреватель Джон Гровер констатировал: «Западный фронт фактически уже не существует».

***

29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И. В. Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении.

По нашим данным, немцы имели здесь четыре армии, в составе которых было не меньше 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Впоследствии было установлено, что на берлинском направлении находилось не менее миллиона человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине, кроме того, еще формировался двухсоттысячный гарнизон.

Взяв погасшую трубку и выбив из нее пепел, И. В. Сталин молча снова набил ее табаком. Раскурив трубку, он вновь подошел к своей карте и долго рассматривал ее, а затем спросил:

— Когда наши войска могут начать наступление на берлинском направлении?

Я доложил:

— Через две недели 1-й Белорусский фронт сможет начать наступление, 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал И. В. Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда.

***

В ходе войны нам вообще еще не приходилось брать такие крупные, сильно укрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Метро и широко развитые подземные сооружения давали возможность вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр. Сам город и его пригороды были тщательно подготовлены к упорной обороне. Каждая улица, площадь, переулок, дом, канал и мосты являлись составными элементами общей обороны города.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно.

Инженерные части изготовили точный макет города с его пригородами, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города.

С 5 по 7 апреля очень активно, творчески прошли совещания и командная игра на картах и макете Берлина. Участниками этой игры были командармы, начальники штабов армий, члены Военных советов армий, начальник политуправления фронта, командующие артиллерией армий и фронта, командиры всех корпусов и начальники родов войск фронта. Здесь же присутствовал и начальник тыла фронта, тщательно изучавший вопросы материального обеспечения операции. С 8 по 14 апреля в развитие фронтовой игры проводились более детальные игры и занятия в армиях, корпусах, дивизиях и частях всех родов войск.

Ввиду чрезмерно большой протяженности тыловых коммуникаций фронта, а также расхода значительных материальных запасов на Восточно-Померанскую операцию, к началу Берлинской операции еще не были созданы необ-

ходимые запасы. Нужны были действительно героические усилия работников тыла фронта и армий. И они оказались на высоте положения.

Готовя операцию, все мы думали над тем, что еще предпринять, чтобы больше ошеломить и подавить противника. Так родилась идея ночной атаки с применением прожекторов.

Решено было обрушить наш удар за два часа до рассвета. Сто сорок зенитных прожекторов должны были внезапно осветить позиции противника и объекты атаки. Во время подготовки операции ее участникам была показана эффективность действия прожекторов. Все единодушно высказались за их применение.

Во время военной фронтовой игры, в процессе проигрыша прорыва тактической обороны противника на Одере, серьезному обсуждению подвергся вопрос о применении танковых армий.

Учитывая наличие сильной тактической обороны на Зееловских высотах, было решено ввести в сражение танковые армии только после захвата этих высот.

Мы, естественно, не строили своих расчетов на том, что с прорывом тактической обороны наши танковые армии вырвутся на оперативный простор, как это имело место, например, в предыдущих Висло-Одерской, Восточно-Померанской и других операциях. В этих операциях танковые армии уходили на значительное расстояние вперед и своими действиями создавали все условия для стремительного продвижения общевойсковых армий.

В ходе Висло-Одерской операции, например, были моменты, когда 2-я гвардейская танковая армия отрывалась от общевойсковых армий на расстояние до 70 километров. Здесь же этого не предвиделось, так как расстояние до Берлина по прямой линии вообще не превышало 60–80 километров.

Поэтому имелось в виду следующее. Если сила удара первого эшелона фронта окажется недостаточной для быстрого преодоления тактической обороны противника, и возникнут опасения, что наступление задержится, тогда ввести обе танковые армии для взлома обороны. Это усилит удар общевойсковых армий и поможет завершению прорыва тактической обороны противника в районе реки Одер и Зееловских высот.

Директивой Ставки предусматривалось как 1-ю, так и 2-ю гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и для обхода его с севера. Однако во время проигрыша операции у меня и руководящего состава штаба фронта возникли серьезные опасения за успешный прорыв обороны противника на главном направлении фронта, особенно в районе сильно укрепленных Зееловских высот, находившихся в 12 километрах от переднего края немецкой обороны.

А так как сосед справа, 2-й Белорусский фронт, начинал наступление на четверо суток позже нас, всякая задержка с прорывом обороны противника могла создать для фронта очень невыгодную оперативную обстановку. Чтобы гарантировать фронт от всяких случайностей, мы приняли решение поставить 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М. Е. Каткова в исходное положение за 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, с тем чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело в полосе 8-й гвардейской армии.

Взяв на себя ответственность за изменение задачи, изложенной в директиве Ставки, я все же посчитал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандующему.

Выслушав мои доводы, И. В. Сталин сказал:

— Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее.

***

Теперь я хотел бы в какой-то степени последовательно напомнить, как проходила историческая Берлинская операция.

За два дня до начала нашего наступления была проведена разведка по всему фронту. 32 разведывательных отряда силой до усиленного стрелкового батальона в течение двух суток 14 и 15 апреля боем уточняли огневую систему обороны противника, его группировки, определяли сильные и наиболее уязвимые места оборонительной полосы.

Эта силовая разведка имела и другую цель. Нам было выгодно заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, чтобы при артподготовке наступления 16 апреля накрыть их огнем всей артиллерии и минометов фронта. Разведка 14 и 15 апреля сопровождалась мощным артиллерийским огнем.

Противник принял эту разведку за начало нашего наступления. Достаточно сказать, что в результате действий наших разведывательных отрядов некоторые немецкие части были выбиты из первых позиций, а в отражении наступления разведывательных частей участвовала почти вся немецкая артиллерия.

Произошло то, к чему мы стремились. Противник стал поспешно подтягивать на вторую позицию свои резервы. Однако наши войска прекратили продвижение вперед и закрепились на достигнутых рубежах. Это озадачило командование противника. Как потом выяснилось, кое-кто из немецких командующих посчитал наше наступление неудавшимся.

За годы войны враг привык к тому, что артиллерийскую подготовку перед прорывом мы начинали обычно с утра, так как атака пехоты и танков лимитируется дневным светом. Поэтому он не ожидал ночной атаки. Этим мы и решили воспользоваться, осветив объекты атаки зенитными прожекторами.

Глубокой ночью, за несколько часов до начала артиллерийской и авиационной подготовки, я отправился на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерала В. И. Чуйкова.

По дороге мне удалось встретиться со многими командирами общевойсковых и танковых соединений и командующим 1-й гвардейской танковой армией генералом М. Е. Катковым и его начальником штаба генералом М. А. Шалиным. Все они бодрствовали и еще раз проверяли детали боевой готовности вверенных им войск.

Меня обрадовала предусмотрительность генералов М. Е. Каткова и М. А. Шалина. Оказывается, они еще накануне утром послали своих командиров соединений, назначенных к действию в первом эшелоне танковой армии, на наблюдательные пункты командиров корпусов 8-й гвардейской армии, чтобы согласовать подробности взаимодействия и условия ввода в прорыв.

От командующего 1-й гвардейской танковой армией я позвонил в штаб 2-й гвардейской танковой армии С. И. Богданову. В штабе его не оказалось, он

был у командарма В. И. Кузнецова. К телефону подошел начальник штаба 2-й гвардейской танковой армии генерал А. И. Радзиевский. На мой вопрос, где командиры соединений, назначенные для действий в передовых эшелонах, А. И. Радзиевский ответил:

— Впереди, в «хозяйствах» Василия Ивановича Кузнецова в связи с предстоящей работой.

Можно было только радоваться за наших командиров-танкистов, так выросших за годы войны в оперативно-тактическом отношении. Невольно вспомнились первые месяцы войны, когда наши командные кадры из-за недостаточной подготовленности нередко оказывались в тяжелой обстановке и зачастую не находили выхода из нее. А сейчас? Да, с такими опытными кадрами любую задачу можно решить.

С таким настроением прибыл я вместе с членом Военного совета К. Ф. Телегиным и командующим артиллерией фронта В. И. Казаковым на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова. Здесь уже находились член Военного совета армии А. М. Пронин, начальник штаба армии Белявский, командующий артиллерией Пожарский и другие армейские генералы и старшие офицеры.

Было 3 часа ночи по московскому времени. Во всех частях шла последняя проверка боевой готовности к началу действий. Все происходило деловито, спокойно и в то же время без излишней самоуверенности и недооценки противника. Чувствовалось, что армия готовится драться по-настоящему, как и полагается сражаться с сильным и опытным врагом.

Член Военного совета А. М. Пронин рассказал о большом подъеме в войсках и их желании скорее прорваться к Берлину.

Через полтора часа была полностью закончена проверка. Артподготовку назначили на пять часов утра по московскому времени. Часовые стрелки как никогда медленно двигались по кругу. Чтобы заполнить как-то оставшиеся минуты, мы решили выпить горячего крепкого чаю, который тут же, в землянке, приготовила нам девушка. Помнится, ее почему-то звали нерусским именем Марго. Пили чай молча, каждый был занят своими мыслями.

Ровно за три минуты до начала артподготовки все мы вышли из землянки и заняли свои места на наблюдательном пункте, который с особым старанием был подготовлен начальником инженерных войск 8-й армии.

Отсюда днем просматривалась вся приодерская местность. Сейчас здесь стоял предутренний туман. Я взглянул на часы: было ровно пять утра.

И тотчас же от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных катюш ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

Со стороны противника в первые секунды протрещало несколько пулеметных очередей, а затем все стихло. Казалось, на стороне врага не осталось живого существа. В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны. Поэтому было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню равного ощущения. Артиллерия еще больше усилила огонь, пехота и танки дружно бросились вперед, их атака сопровождалась двойным мощным огневым валом. К рассвету наши войска преодолели первую позицию и начали атаку второй позиции.

Противник, имевший в районе Берлина большое количество самолетов, не смог ночью эффективно использовать свою авиацию, а утром наши атакующие эшелоны находились так близко от войск противника, что их летчики не в состоянии были бомбить наши передовые части, не рискуя ударить по своим.

Гитлеровские войска были буквально подавлены морем огня и металла. Непроницаемая стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить, но это никого не смущало.

Наша авиация шла над полем боя волнами. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. Другие бомбардировщики взаимодействовали с войсками утром и днем. В течение первых суток сражения было проведено свыше 6550 самолето-вылетов.

На первый день было запланировано только для одной артиллерии миллион сто девяносто семь тысяч выстрелов, фактически было произведено миллион двести тридцать шесть тысяч выстрелов. 2450 вагонов снарядов, то есть почти 98 тысяч тонн металла обрушилось на голову врага. Оборона противника уничтожалась и подавлялась на глубину до 8 километров, а отдельные узлы сопротивления — на глубину до 10–12 километров.

***

20 апреля в 13 часов 50 минут, на пятый день операции, дальнобойная артиллерия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, которой командовал генерал-полковник В. И. Кузнецов, открыла огонь по Берлину. Начался исторический штурм столицы фашистской Германии. В это же время 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Зюкин, также дал залп по фашистской столице. 21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий ворвались на окраины Берлина и завязали там бои. 61-я армия, 1-я армия Войска Польского и другие соединения 1-го Белорусского фронта быстро двигались, обойдя Берлин, на Эльбу, где предполагалась встреча с войсками союзников.

***

23–24 апреля войска 1-го Белорусского фронта громили гитлеровцев на подступах к центру Берлина. В южной части города завязали бой части 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

25 апреля 328-я стрелковая дивизия 47-й армии и 65-я танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, наступавшие западнее Берлина, соединились в районе Кетцина с 6-м гвардейским механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Таким образом, берлинская группировка врага общей численностью бо-

лее 400 тысяч человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

Введенная в дело из резерва фронта 3-я армия генерала А. В. Горбатова, развивая наступление вдоль канала Одер — Шпрее и используя успех 1-й гвардейской танковой армии, быстро вышла в район Кёнигс-Вустерхаузен. Отсюда, резко повернув на юг и юго-восток, она нанесла удар на Тойпитц и 25 апреля соединилась с частями правого крыла войск 1-го Украинского фронта, наступавшими в северо-западном направлении. Плотно замкнулось кольцо окружения вокруг вражеской группировки юго-восточнее Берлина районе Вендиш — Буххольц.

Успешно развивались бои и в самом Берлине. Когда войска фронта ворвались в столицу Германии, оборона города в некоторых районах уже ослабла, так как часть войск берлинского гарнизона была снята немецким командованием для усиления обороны на Зееловских высотах. Поэтому на некоторых окраинах города противник не мог оказывать упорного сопротивления. Наши части быстро нащупывали эти районы и, маневрируя, обходили главные очаги сопротивления.

Но с подходом к центральной части города сопротивление резко усилилось. Ожесточение борьбы нарастало с обеих сторон. Оборона противника была сплошной. Немцы использовали все преимущества, которые давали им перед наступающей стороной бои в своем городе. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, сыграли важную роль. По этим путям немцы могли из одного квартала выходить в другой и даже появляться в тылу наших войск.

Река Шпрее в самом городе с ее высокими цементированными берегами, рассекая Берлин на две части, опоясывала министерские здания в центре города. Каждый дом здесь был превращен в опорный пункт и защищался гарнизоном, нередко силой до батальона.

Наше наступление не прекращалось ни днем ни ночью. Все усилия были направлены на то, чтобы не дать возможности противнику организовать оборону в новых опорных пунктах. Боевые порядки армий были эшелонированы в глубину. Днем наступали первым эшелоном, ночью — вторым.

Заранее подготовленной обороне Берлина с его секторами, районами и участками был противопоставлен детально разработанный план наступления в самом городе.

Каждой армии, штурмовавшей Берлин, заранее были определены полосы наступления. Частям и подразделениям давались конкретные объекты — районы, улицы, площади. За кажущимся хаосом городских боев стояла стройная, тщательно продуманная система. Под уничтожающий огонь были взяты основные объекты города.

Главную тяжесть боев в центральной части Берлина приняли на себя штурмовые группы и штурмовые отряды, составленные из всех родов войск.

Задача уличных боев в Берлине заключалась в том, чтобы лишить противника возможности собрать свои силы в кулак, расколоть гарнизон на отдельные очаги и в быстром темпе уничтожить их.

Для ее решения к началу операции были созданы необходимые предпосыл-

ки. Во-первых, наши войска на подступах к городу перемололи значительную часть живой силы и техники противника. Во-вторых, быстро окружив Берлин, мы лишили немцев возможности маневрировать резервами. В-третьих, и сами резервы немцев, стянутые к Берлину, были быстро разгромлены.

***

30 апреля 1945 года навсегда останется в памяти советского народа и в истории его борьбы с фашистской Германией.

В этот день, в 14 часов 25 минут, войсками 3-й ударной армии (командующий — генерал-полковник В. И. Кузнецов, член Военного совета — генерал А. И. Литвинов) была взята основная часть здания рейхстага.

За рейхстаг шла кровопролитная битва. Подступы к нему прикрывались массивными зданиями, входившими в систему девятого центрального сектора обороны Берлина. Район рейхстага обороняли отборные эсэсовские части общей численностью около шести тысяч человек, оснащенные танками, штурмовыми орудиями и многочисленной артиллерией.

К концу дня 1 мая гитлеровцы, находившиеся в рейхстаге в количестве около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Только отдельные группы фашистов, засевшие в разных отсеках подвалов рейхстага, продолжали сопротивляться до утра 2 мая.

Комендантом рейхстага был назначен командир полка 150-й стрелковой дивизии полковник Фёдор Матвеевич Зинченко.

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из глубины матушки-России, из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии, из прибалтийских, закавказских и других республик пришли сюда наши люди, чтобы завершить здесь справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих не зарубцевались еще раны от прошлых боев, но раненые не покидали строя. Все стремились вперед. Будто и не было четырех лет войны: все воспрянули духом, чтобы свершить великое дело — водрузить Знамя Победы в Берлине.

*Жуков Г. К., Маршал СССР. Воспоминания и размышления.
(В трех томах). 6-е изд. М.: АПН, 1984-1985*

СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Ежемесячный журнал

№5 (137)

апрель 2015

Корректор Г. Володина •

Подписано в печать 20.04.2015 • Тираж 1500 экз.

Заказ № 926

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия» УД ПРФ

127254, ул. Добролюбова, д. 6
Контактный телефон: 650-38-80